

Учредители
журнала:

ОАО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор

Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:

С.В. Винокурова

В.З. Денискина

Г.С. Еремеев

И.Н. Зарубина

О.В. Клековкина

Ю.И. Котов

В.В. Кулешов

И.И. Семёнова

Г.А. Смирнов

А.В. Тимофеев

А.П. Торопцев

О.В. Шевкун

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ ВАС, РОДИТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ

Н. Мелковская. Коррекционные игры и упражнения по развитию зрительного восприятия в контексте проектов по сказкам на занятиях учителя-дефектолога **1**

М. Баскова. Коррекционная работа по развитию зрительного восприятия с детьми младшей группы в рамках проектной деятельности ГБДОУ **7**

Илья Бруштейн. Принцип обратной инклюзии **13**

ПРОБА ПЕРА

Ксения Каёва. Стихи **27**

Анна Царапкина. Рассказ **28**

Кристина Габайдуллина. Рассказ **29**

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Марина Платонова. Стихи **31**

Эдуард Багрицкий. Стихи **33**

Нина Дашевская. Второй **49**

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Маша Лукашкина. Стихи **64**

Сергей Георгиев. Кошачье заклинание, или Друг перелётных воробьёв **68**

В гости к Дарвину **81**

УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ

Лариса Шевцова. Урок 8 **90**

ДЛЯ ВАС, РОДИТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ

Н. Мелковская

*учитель-дефектолог, ГБДОУ детский сад № 115
компенсирующего вида, Санкт-Петербург*

КОРРЕКЦИОННЫЕ ИГРЫ И УПРАЖНЕНИЯ ПО РАЗВИТИЮ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТОВ ПО СКАЗКАМ НА ЗАНЯТИЯХ УЧИТЕЛЯ- ДЕФЕКТОЛОГА

Значение слова «проект» (в буквальном переводе с латинского «брошенный вперёд») современные словари русского языка определяют как «прототип, прообраз какого-либо объекта, вида деятельности». Но в последнее время у слова появилось новое значение — временное предприятие, направленное на создание уникального продукта, услуги или результата. В педагогической практике проект — это, конечно же, не предприятие, это относительно новый вид работы с детьми, позволяющий развивать у них специфические навыки и умения.

Мы рассматриваем проект как цель, принятую и освоенную детьми, как детскую самостоятельность, конкретное творческое дело, поэтапное движение к цели.

Обычно тифлопедагог осуществляет опережающее обучение, предварительное знакомство детей с тем, что будет преподнесено на занятиях с воспитателем. Мы готовим детей к овладению наиболее трудными видами деятельности, формируем алгоритм действий, показываем и отрабатываем способы зрительного, осязательного, слухового, бисенсорного и полисенсорного восприятия окружающего мира. Воспитатели закрепляют и совершенствуют способы и приёмы познания окружающего мира, учат пользоваться этими способами и приёмами в самостоятельной деятельности (игровой, учебной, бытовой). В проектной же деятельности мы идём как бы параллельно с воспитателями и другими специалистами учреждения. По ходу работы над проектом возникает потребность в дополнительной информации по предмету, которую дети могут получить на занятиях у специалистов. В этом случае мотивация очень высока. Практика показывает, что знания, добытые самостоятельно и с хорошей мотивацией, наиболее прочны и эффективны.

Проект «Сказочное лукошко» был выбран не случайно. Сказка — один из любимейших всеми детьми жанров. Сказка заключает в себе важный психологический смысл — любовь, доброту, участие к близким. С помощью сказочных героев, их поступков и действий мы с детьми стараемся найти выход из различных ситуаций, находим пути решения появившихся конфликтов, учимся разграничивать добро и зло.

На коррекционных занятиях мы предлагаем детям

игры и упражнения, предусмотренные проектом. С помощью этих игр дети ближе знакомятся с героями сказок, пытаются понять их характеры, ситуации, в которых герои оказались. В данной статье мы расскажем о некоторых из них.

Дети охотно собирали картинки к сказке из нескольких частей. Эти игры мы используем для развития аналитико-синтетической деятельности, развития наглядно-действенного и наглядно-образного мышления.

Дети подготовительной группы находят нужное место для картинки, соотнося букву и цифру. Картинки отличаются разным количеством частей и разными сюжетами сказок.

Дети старшей группы собирали картинки к сказке «Крылатый, мохнатый и масляный» по образцу. Собрав картинку, дети рассказывают о её сюжете, вспоминая сказку.

У детей с нарушением зрения затруднена тонкая зрительная дифференцировка эмоциональных состояний, выраженных с помощью мимики. На коррекционных занятиях с помощью дидактических игр и пособий у детей формируются представления об основных эмоциональных состояниях; опираясь на эти представления, мы упражняем детей в воспроизведении эмоциональных состояний героев сказки.

Например, детям старшей группы мы предлагаем «рассердиться, как воробей» из сказки «Крылатый, мохнатый и масляный» и выразить это мимикой.

С помощью разнообразного дидактического материала мы обучаем детей восприятию и воспроизведению мимики, поз и движений. Для формирования образа героя сказки мы используем кубики со специальными

обозначениями, и это задание называется «Составь эмоцию». Хорошие результаты дают задания по прохождению лабиринта «Пройди по дорожке и вспомни, в какой момент сказки герой испытывал то или иное эмоциональное состояние». На деревянной шарнирной кукле детям предлагается показать, как двигаются герои сказок, по образцу или словесному указанию педагога воспроизвести позу или движение сказочного героя.

Многие дети с нарушением зрения имеют низкий уровень развития осязательной чувствительности и мелкой моторики. Играя с тактильными дощечками, мы способствуем созданию у детей новых образов, развиваем воображение на тактильной основе, развиваем тактильные ощущения, тактильную память, т.е. способность запоминать ощущения от прикосновения с каким-либо предметом.

Можно поиграть в «Приятные и неприятные дощечки» — детям предлагается найти самую приятную и самую неприятную дощечку. Кто из героев сказки напоминает «приятную» дощечку? Например, Дюймовочка, а кто — неприятную? Почему?

Предлагаем ребёнку представить, что эта дощечка — кто-то из героев сказки. Кого она напоминает и почему? (Мех — мышь или крот, у них мягкая шкурка; фольга — лягушка, она холодная.)

Предлагается найти самую добрую, самую злую, самую грустную дощечку и рассказать, каких героев сказки они напоминают.

Используя на своих занятиях тактильные дощечки, мы учим детей сравнивать, анализировать, обобщать, фантазировать, совершенствовать речевую активность.

Лабиринт — это игра, которая способствует развитию у детей логического и пространственного мышления, учит их анализировать, зрительное внимание, память, а также развивает зрительно-моторную координацию и преслеживающую функцию глаз.

Распутывая лабиринты, ребёнок развивает в себе такие качества, как целеустремлённость, вариативность, умение достигать цели. В ходе проекта мы тоже распутывали разнообразные лабиринты: «Помоги Дюймовочке добраться до красивого наряда», «Помоги ласточке улететь», «Посади Дюймовочку на цветок», «Помоги воробью собрать грибы».

Лабиринты предлагались разной степени сложности, дети охотно помогали героям сказок достигать намеченную цель.

Большинство детей подготовительной группы находятся на ортоптическом этапе лечения, поэтому мы активно включаем упражнения на соотнесение формы, цвета, величины методом совмещения, наложения и приложения, на развитие тонкой зрительной дифференцировки по оттенкам.

В одном из заданий мы предлагали детям составить наряд для Дюймовочки, состоящий из юбки и кофточки нескольких оттенков красного цвета. В другом задании дети должны были каждой Дюймовочке (9 вариантов различной величины) подобрать цветок соответствующего размера.

На коррекционных занятиях активно была использована игра «Танграм», дети составляли из геометрических фигур героев сказки: крота, лягушку, ласточку и т.д.

При рассматривании картины по сказке мы используем метод «подзорной трубы» (приём ТРИЗа), активизи-

руя тем самым внимание детей. Дети перечисляют увиденные объекты, устанавливают связи между ними.

Дети старшей группы рассматривают персонажи и объекты картинки из сказок в цветном и силуэтном изображении, определяют их взаимное местоположение и моделируют картинку по образцу или по памяти.

Дети также рассматривали карточки — пересечения с контурными изображениями героев сказок. Выбирали из множества цветных или силуэтных изображений нужные, находили их местоположение на карточке и правильно накладывали на карточку, тем самым закреплялись нестереоскопические признаки глубины пространства (низко — близко, высоко — далеко).

Для повышения интереса к книге, любви к сказке и был разработан этот большой проект нашего детского сада. Мы достигли цели: детей заинтересовали сказки, их образные, яркие выражения, сравнения, «сказочные» языковые средства, что способствовало развитию выразительности речи детей, а также их стремлению к самостоятельному творчеству. А мы как специалисты в рамках проекта в играх со сказочными сюжетами решали коррекционные задачи.

ЛИТЕРАТУРА

Клинико-педагогические основы обучения и воспитания детей с нарушением зрения. Фомичёва Л.В., СПб.: Каро, 2007.

Некоторые особенности коррекционного обучения дошкольников с нарушением зрения. Подколзина Е.Н., Дефектология, № 2, 2001.

Программа зрительного восприятия и знакомства с окружающим миром. Рудакова Л.В., СПб.: Образование, 1995.

Программы специальных (коррекционных) образовательных учреждений IV вида (для детей с нарушением зрения), Л.И. Плаксина, 2003.

М. Баскова

*учитель-дефектолог, ГБДОУ детский сад № 115
компенсирующего вида, Санкт-Петербург*

КОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА ПО РАЗВИТИЮ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ С ДЕТЬМИ МЛАДШЕЙ ГРУППЫ В РАМКАХ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГБДОУ

Опыт работы с детьми со зрительной депривацией показывает, что большинство детей к моменту поступления в детское специализированное учреждение из-за снижения остроты зрения испытывают затруднения в накоплении чувственно-практического опыта, сложности в ориентировке в окружающем мире. Причина этих трудностей объясняется особой ролью зрения в познании. В работе с детьми младшего дошкольного возраста коррекционная работа по развитию зрительного восприятия проходит через предметно-практическую деятельность ребёнка. Обогащение зрительного и двигательного опыта, активизация и развитие зрительных функций детей с нарушениями зрения осуществляются в условиях решения задач в практическом плане.

Проектная деятельность в младшей группе с использованием сказок при активном участии всех специалистов ГБДОУ и родителей позволяет решать задачи разви-

тия зрительного восприятия через предметно практическую деятельность ребёнка.

Тифлопедагогом на коррекционных занятиях создаются условия для обучения детей с нарушениями зрения конкретным точным ориентировочным умениям и действиям, которые способствуют формированию полных и детализированных чувственных образов пространства и пространственных отношений. Проведение занятий в форме театрализованной игры по сказкам ведёт к повышению у детей эмоционально-положительного тонуса, создаёт условие для выражения ребёнком своих чувств, мыслей, переживаний, для эмоционального комфорта и, как следствие, более лёгкого решения коррекционных задач.

Предлагаемые игры и упражнения по сказкам в рамках проектов использовались на коррекционных занятиях тифлопедагога, обыгрывались воспитателями на занятиях и в совместной деятельности с детьми. Некоторые игры были выбраны для использования на досуговом мероприятии «День матери», который проводился при активном участии родителей.

Игровые упражнения, используемые при работе в проекте «В гостях у сказки «Теремок».

Предлагая детям игру «Кто живёт в теремке?», мы ставили следующие задачи:

- формировать пространственные представления через предметно-практическую деятельность ребёнка (действия с игрушками и размещение их в теремке);

- активизировать речь детей за счёт слов: свободно, тесно.

Разыгрывая сказку, дети последовательно размещают в теремке животных, практическим путём доказывая,

что медведь теремок разрушит, потому что он большой, ему будет тесно в маленьком доме.

Задачи игры «Кто-кто в теремочке живёт?» были уже другие:

- развитие умения выделять существенные отличительные признаки различных животных;

- приобретение опыта локализации за счёт нахождения по фотографии животных;

- совершенствование навыка соотнесения объёмной игрушки и предметной картинки.

Дети по фотографии должны были найти игрушку и поместить её в домик.

Далее следовала игра «Построй теремок». Её задачами были:

- формирование представления детей о сенсорных эталонах формы (треугольная крыша, квадратные окна);

- совершенствование сенсорных эталонов формы (треугольник, квадрат) за счёт их точного называния и оперирования с ними в процессе построения теремка;

- развитие регулирующей и контролирующей функции зрения за счёт точного наложения окошек.

Игровое действие заключалось в составлении детьми теремка из геометрических форм с обязательным называнием геометрических форм.

Следующая игра — «Узнай и назови» — должна была решить свои задачи:

- уточнение и совершенствование предметных представлений о диких животных;

- совершенствование навыка узнавания и называния животных в разных модальностях (силуэтное изображение, цветное изображение).

В процессе игры дети должны были узнать и назвать

диких животных в цветном и силуэтном изображении.

Игра «Найди и назови место, где живёт герой сказки» ставила следующие задачи:

- развитие навыков ориентировки в микропространстве;
- развитие умения анализировать пространственное расположение объектов;
- введение в активную речь детей слов: слева, справа, сверху, внизу, посередине.

Игровые действия проходили по двум вариантам. В первом детям предлагалось самостоятельно расположить, «поселить» героев сказки в новом большом теремке и назвать место, где живёт герой (мышка живёт с правой стороны внизу, лисичка с левой стороны наверху и т.д.). Во втором варианте дети должны были найти и назвать героев, которые живут в домике слева, справа, наверху, посередине и т.д.

Проект «Путешествие в сказку „Как коза избушку строила“» состоял из нескольких игр и начинался с игры «Близко или далеко». Её основными задачами были:

- упражнять детей, опираясь на кинестетическое чувство, определять расстояние до предметов (близко, далеко);
- развивать чувственный опыт детей при определении расстояния до предмета

Игровые действия протекали во двум вариантам.

1 вариант: детям предлагалось назвать расположение деревьев на полянке, пройти по дорожке, обозначая словами: далеко ли берёзка, близко ли дуб.

2 вариант: дети должны были найти дерево, под которым коза построила избушку, определить и описать словами его расположение на полянке и пройти по дорожке, описывая свой путь.

Далее следовала игра «Найди место для избушки». Её задачи:

- развитие зрительно-моторной координации;
- активизация и развитие зрительных функций: глазо-двигательных функций, прослеживающей функции;
- развитие ориентировки в микропространстве.

Игровые действия: ребёнку предлагается, рассказывая сказку, повести линию до выбранного дерева.

Игры с блоками Дьенеша.

Игра «Составь бусы для козы» ставит следующие задачи:

- развивать умение выявлять свойства предметов, называть их (цвет, форма, величина);
- обобщать объекты по их свойствам, объяснять сходства и различия объектов по цвету, форме и величине.

В первом варианте игры дети составляли цепочку (бусы) из блоков Дьенеша, подбирая их по цвету и размеру; по размеру и форме, т.д. Во втором варианте детям предлагалось так выложить цепочку (бусы), чтобы рядом были фигуры, одинаковые по размеру, но разные по форме, и т.д.

Заключала проект игра «Составь изображение», задачей которой было развитие у детей творческих способностей, воображения, фантазии, способности к моделированию и конструированию.

Говоря о результатах коррекционно-педагогической работы по развитию зрительного восприятия после завершения проектов, хочется отметить, что использование целенаправленных игр и упражнений способствует активизации и стимуляции зрительных функций, развитию зрительно-моторной координации, цветоразличению, развитию навыков ориентировки в пространстве, расши-

рению представлений об окружающем мире. Осуществление тесной взаимосвязи всего педагогического коллектива ГБДОУ, совместное использование системы специальных приёмов и методов помогает преодолеть и восполнить недостатки развития зрительного анализатора при работе с детьми со зрительной депривацией.

ЛИТЕРАТУРА

Клинико-педагогические основы обучения и воспитания детей с нарушением зрения, Фомичёва Л.В., СПб.: Каро, 2007.

Некоторые особенности коррекционного обучения дошкольников с нарушением зрения, Подколзина Е.Н., Дефектология, № 2, 2001.

Программа зрительного восприятия и знакомства с окружающим миром, Рудакова Л.В., СПб.: «Образование», 1995.

Программы специальных (коррекционных) образовательных учреждений IV вида (для детей с нарушением зрения), Л.И. Плаксина, 2003.

Дружинина Л.А. Коррекционная работа в детском саду для детей с нарушением зрения. — М.: Экзамен, 2006.

Михайлова З.А. Логика и математика для дошкольников. СПб.: Издательский дом Литера, 2000.

Столяр А.А. Давайте поиграем. М.: Просвещение, 1996.

ПРИНЦИП ОБРАТНОЙ ИНКЛЮЗИИ

ОПЫТ РАБОТЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ АКАДЕМИИ ИСКУССТВ*

Елена Михайловна Кухаренко сама была студенткой РГСАИ. Она закончила академию в 2014 году и сейчас работает в родном вузе ассистентом-стажёром. Широкой общественности незрячая пианистка стала известна в 2014 году, когда на нескольких российских телеканалах был показан полнометражный документальный фильм режиссёра Виктории Казариной «Игра вслепую».

Елена Кухаренко была главной героиней этой ленты. В съёмках принимал участие ещё один студент академии, сокурсник Елены — Роман Чистяков.

— *Елена, наверное, редко кто из музыкантов может похвастаться тем, что уже в начале творческого пути он стал героем полнометражного документального фильма. Обычно такие фильмы посвящаются юбилеям музыкальных виртуозов. А вам до первого юбилея ещё очень-очень далеко...*

— Фильм «Игра вслепую» показывали не только по телевидению, он даже был в прокате в кинотеатрах в разных регионах России. Хотя, конечно, документальному кино уделяется не так много внимания, как художественному.

Съёмки велись в течение всего 2013 года. Меня и Романа Чистякова снимали в стенах академии, на ули-

*Окончание. Начало читайте в № 6 за 2016 г.

цах Москвы, во время концертных выступлений, в студенческом общежитии, в магазине, в выставочном зале и т.д.

— *Картина производит сильное впечатление, особенно на тех зрителей, которые до этого никогда не сталкивались с незрячими людьми, не знали об их жизни. Как вам кажется, что именно хотел сказать зрителям режиссёр?*

— Каждый зритель сам определит для себя, в чём именно состоит идея фильма, ради чего он был снят. Сейчас фильм выложен в Интернете. Его можно посмотреть и составить своё мнение.

Для меня участие в съёмках стало огромным подарком и огромным авансом, источником вдохновения, источником новых жизненных сил. А сам фильм — это ценная реликвия, которая останется на всю жизнь!

— *Как вы стали героиней этой ленты? Как познакомились с режиссёром фильма?*

— Виктория Казарина обратилась в Культурно-спортивный реабилитационный комплекс (КСРК) Всероссийского общества слепых (ВОС) с просьбой предоставить ей координаты смешанных пар, смешанных семей, где один из партнёров был бы слепым, а другой зрячим. Ей было интересно, есть ли в Москве такие пары, много ли их? И в КСРК ей объяснили, что таких пар много, это вполне распространённое, обычное явление. И с этими парами можно встретиться.

— *И потом режиссёр провела кастинг?*

— Можно и так сказать. Некоторые пары отказались участвовать в съёмках. Другие показались режиссёру не очень интересными. И в итоге было принято решение сделать фильм о нас с Романом Чистяковым. Мы стали

парой, будучи студентами музыкального факультета Российской государственной специализированной академии искусств.

Роман — тоже пианист. Он — зрячий, никакой инвалидности у него нет.

— *Почему всё-таки режиссёр хотела привлечь к участию в картине именно смешанные пары? Есть ведь немало семей, где оба супруга являются незрячими.*

— Мне думается, что изначальная идея состояла в том, чтобы через конкретную пару показать взаимодействие слепых и зрячих, инвалидов и неинвалидов. Режиссёр хотела, чтобы зритель задумался об интеграции, инклюзии людей с ограниченными возможностями здоровья. Она считала, что во взаимоотношениях мужчины и женщины как в капле воды отражаются взаимоотношения в нашем обществе.

Виктория Казарина хотела разобраться, понимает ли Роман, будучи зрячим, особенности, «специфику» моей жизни, способен ли он оказаться «в моей шкуре». В фильме есть эпизод, когда мы вместе с Романом посещаем выставку скульптуры в Третьяковской галерее в Москве. Эта выставка была специально адаптирована для инвалидов по зрению. Скульптуры можно было «осматривать» руками. Там были надписи по Брайлю.

Особенностью фильма стало то, что не только я должна была знакомиться с выставкой в темноте, но и Роман. Ему повязали светонепроницаемую повязку. В таком виде он не только знакомился со скульптурами, но и определял, что именно они изображают.

— *Честно говоря, меня немного удивили эпизоды фильма, когда вы разрезаете торт — и получаются неровные куски, не очень умело чистите ботинки. Вам*

не было досадно, что в фильм вошли такие комичные бытовые эпизоды?

— Я была главной героиней, но не создателем фильма. Было отснято много материала. В картину вошла только его небольшая часть. Я не участвовала в отборе материала, и режиссёр этот вопрос со мной не согласовывала.

Эпизоды с разрезанием торта, уходом за обувью и другими бытовыми моментами меня совершенно не обидели! Наоборот, они показались мне в фильме вполне уместными и забавными. Когда я оказываюсь в неловких ситуациях или не могу справиться с какими-то бытовыми делами, то стараюсь относиться к этому с чувством юмора. Мне думается, что смех, в том числе смех над собой — это лучшее средство реабилитации!

Как я уже говорила, съёмки фильма продолжались около года. Камера сопровождала нас с Романом практически повсюду. И мы уже перестали её замечать, вели себя совершенно естественно. Однажды оператор присутствовал на вечеринке в студенческом общежитии. Когда я разрезала торт и стала раскладывать куски по тарелкам, то обнаружила, что торт разрезан неровно. Кому-то из гостей достался большой кусок, а кому-то маленький. Гости это тоже, конечно, обнаружили.

Мы все тогда посмеялись над этой ситуацией. А режиссёр решила включить этот эпизод в картину.

— Зрячие люди нередко интересуются именно бытовой стороной жизни инвалидов по зрению.

— К этому можно относиться по-разному. Но мне такой интерес представляется нормальным и естественным. Зрячим действительно интересно, как слепой человек выбирает одежду и обувь в магазине, убирает

квартиру, готовит еду, гладит бельё и занимается другими бытовыми делами. Наш фильм тоже отразил этот интерес. Например, были съёмки в обувном магазине.

— *Вам не показалось странным, что бытовая сторона вашей жизни вызвала у режиссёра больший интерес, чем ваши музыкальные успехи, чем ваше творчество?*

— Исполнительская деятельность в фильме тоже показана. В частности, там есть эпизод, когда я играю на сцене Московского Дома музыки на фестивале «Музыка света». Что касается личных и бытовых эпизодов фильма... Любой артист должен быть готов к тому, что общественность интересуют самые разные стороны его жизни. Всё-таки артисты, музыканты — это публичные персоны.

— *Елена, хотелось бы подробнее узнать о вашей жизни.*

— Я родилась в 1988 году в Республике Беларусь, в древнем городе Полоцке Витебской области. Кстати, именно там находится географический центр Европы. Это географическое изыскание увековечивает памятный знак, установленный в центре Полоцка.

В детстве у меня было хорошее зрение. Но в семь лет я получила тяжёлую травму (сотрясение мозга) во время игры на детской площадке. Через полгода после травмы зрение стало ухудшаться, началось отслоение сетчатки. За два с половиной года, к десяти годам, я полностью потеряла зрение.

В то время я была ребёнком и не осознавала, что зрение уходит безвозвратно. Мама говорила мне, что так как мне капают глазные капли, то скоро я снова стану хорошо видеть.

— В фильме «Игра вслепую» есть щемящий эпизод, когда вы, уже будучи взрослой, посещаете врача-офтальмолога в Москве и он выражает удивление и недоумение, почему вам в детстве не была сделана операция в связи с отслоением сетчатки.

— Да, операцию мне не сделали. Трудно теперь сказать, почему так получилось. Возможно, врачи в Полоцке были недостаточно компетентными или им не хватало необходимой аппаратуры. Возможно, надо было поехать на консультацию в Витебск или Минск. Честно говоря, я никогда не пыталась анализировать эту ситуацию. Произошло то, что произошло.

— Когда вы стали заниматься музыкой?

— Игре на фортепьяно я стала учиться с семи лет. Также с детства занималась вокалом, училась в школе с хоровым уклоном. К сожалению, когда я потеряла зрение, то меня в буквальном смысле этого слова вынудили оставить родную школу. Для меня там больше не нашлось места!

— Обидная ситуация.

— Да, было горько и обидно! Моим родителям прямо сказали, что слепая девочка у них не сможет учиться. Якобы для этого нет условий. Покидая родную школу, я чувствовала себя «без вины виноватой». Фактически меня наказали за то, что я ослепла.

Ещё до ухода из школы отношение ко мне изменилось в худшую сторону. С одной стороны, меня жалели. С другой стороны, мне в лицо говорили, что я теперь инвалид и уже не смогу стать профессиональным музыкантом.

— Где вы продолжили своё образование?

— В Полоцке нет специальной школы для слепых и

слабовидящих детей. Но в городской средней школе № 1 были созданы так называемые «интегрированные классы», где учатся дети с разными формами инвалидности, а также здоровые дети. Именно там я продолжила свою учёбу. А музыкой стала заниматься в Детской школе искусств. И мне всё очень понравилось!

— *Как говорится, что ни делается — всё к лучшему...*

— Так всё и получилось! Из родной школы мне пришлось уйти, но я обрела новую общеобразовательную школу, новую музыкальную школу. И в этих учебных заведениях меня понимали, поддерживали, относились по-доброму.

— *Что помогло вам справиться с обрушившейся на вас слепотой?*

— Конечно же, мне очень помогла музыка! Мне всегда нравилось выступать и в роли исполнителя, и в роли композитора. Фортепьянную музыку я сочиняю с самого детства.

— *Вы уже в детстве решили стать профессиональным музыкантом?*

— Это решение пришло в детстве. Но когда я потеряла зрение, то было непонятно, как претворить эту идею в жизнь. Я обзванивала белорусские музыкальные училища. Но везде мне говорили, что незрячие у них учиться не смогут.

В конце концов я узнала о существовании Курского музыкального колледжа-интерната слепых. Поговорила по телефону с его директором Станиславом Георгиевичем Попковым. Он очень по-доброму со мной побеседовал, рассказал о колледже-интернате, поддержал идею поступления.

С 2005 года по 2009 год я училась в Курске. Это время стало началом моей самостоятельной жизни. До это-

го я жила дома, с родителями. А Курск — это жизнь в общезжитии, ощущение свободы!

— *Какие воспоминания остались у вас о Курске?*

— Самые лучшие! Я много времени уделяла своей специальности — игре на фортепьяно. Кроме того, мне было интересно на начальном уровне освоить новые музыкальные инструменты: саксофон, домбру, маримбо.

— *Что это за инструмент — маримбо?*

— Это ударный инструмент, похожий на ксилофон. Когда пианист осваивает новые инструменты — это расширяет его музыкальный горизонт. Мне нравились все предметы в колледже, в том числе и педагогическая практика. Работать с детьми, преподавать — это очень интересно!

Я принимала участие в различных мероприятиях в Курске и конечно же выступала на фестивале «Студенческая весна соловьиного края». Там были представлены мои детские песни, патриотические песни, романсы. Я выступала и как композитор, и как вокалист. И, конечно же, сама себе аккомпанировала на рояле.

В Курске я была занята в нескольких проектах: участвовала в студенческом рок-ансамбле, в вокальном акапельном ансамбле, в джазовом ансамбле.

— *Почему после окончания колледжа вы решили поступать в Российскую государственную специализированную академию искусств?*

— Учась в Курске, я слышала много положительных отзывов об этом вузе. Здесь учатся много выпускников курского колледжа. Поэтому решила поступать именно сюда! И ни разу не пожалела об этом! Именно здесь я стала профессиональной пианисткой!

В России много замечательных музыкальных вузов. Но, думаю, ни в одном из них преподаватели не уделяют так много времени и внимания своим студентам, как у нас. Мой учитель Юлия Павловна Антонова стала для меня второй мамой! На сегодняшний день, будучи ассистентом-стажёром, я выступаю в роли помощницы Юлии Павловны. И я горжусь этим! Знания и навыки, которыми я овладела за годы учёбы, я могу передать новым студентам, а также учащимся наших подготовительных курсов и подготовительного отделения.

Кстати, моя дипломная работа в вузе называлась «Работа с учащимися с ограниченными возможностями по зрению в классе фортепьяно». Я обобщила свой личный опыт обучения музыке и опыт других незрячих музыкантов.

— *Какие важные события происходили в вашей жизни во время учёбы в академии и работе в качестве ассистента-стажёра?*

— Учёба в нашей академии сопряжена с регулярными концертными выступлениями, причём на самых крупных и престижных концертных площадках. Одним из первых моих выступлений в Москве стало участие в 2009 году во встрече президента России Д.А. Медведева со спортсменами-паралимпийцами. Меня пригласили выступить в концерте в Большом Кремлёвском дворце, где проходила эта встреча. Я исполняла «Токкату» Арама Хачатуряна.

Кстати, в Кремле произошёл курьёзный случай. Обычно пианистам предоставляется возможность заранее познакомиться с роялем. Но в этот раз такой возможности у меня по какой-то причине не было. Я начинаю играть... и с удивлением обнаруживаю, что вместо клавиш бью по деревяшкам!

— *Что же произошло?*

— Обычно в клавиатуре рояля 88 клавиш. Но бывают и укороченные клавиатуры, в которых только 85 клавиш, то есть на три клавиши меньше. Именно такой рояль мне и попался. В принципе, в этом нет ничего страшного, на укороченной клавиатуре тоже можно сыграть любое произведение. Но я узнала об этой особенности инструмента только на сцене, пришлось перестраиваться прямо на ходу.

— *Вы не разволновались?*

— Я отнеслась к этому с чувством юмора. Курьёзные ситуации происходят на концертах у всех музыкантов. Думаю, что никто из зрителей этих ударов по деревяшкам не заметил и не расслышал. Эти забавные истории можно считать изюминкой нашей профессии. Музыкальное произведение рождается в присутствии публики. Всегда может произойти что-то неожиданное!

— *В ноябре 2010 года вы стали обладателем Гран-при на Международном конкурсе незрячих музыкантов, который проходил в стенах вашего родного Курского музыкального колледжа-интерната слепых.*

— Участие в этом конкурсе было таким же запоминающимся событием, как и концерт в Большом Кремлёвском дворце. Это было моё первое выступление на международном конкурсе. Гран-при стал важной и дорогой наградой! Было очень приятно, что его мне вручили в стенах родного колледжа.

Значимым событием в моей жизни стало также участие в Международном конкурсе незрячих музыкантов в Праге в марте 2011 года, где я завоевала первую премию. Для этого конкурса я подготовила большую и сложную программу. Но особенно запомнилось исполнение

пьесы Сергея Прокофьева «Наваждение». Это эмоциональное, экспрессивное, технически сложное произведение. Оно состоит из многочисленных скачков.

— *А что такое «скачки»?*

— Если говорить простым языком, то «скачки» — это быстрое перемещение рук по клавиатуре. Руки пианиста движутся с такой скоростью, что напоминают руки жонглёра в цирке во время исполнения трюка. Именно скачки позволяют продемонстрировать виртуозное владение инструментом. От пианиста требуется не только солидная техническая подготовка, но и высокая степень концентрации воли, собранности, эмоционального напряжения.

После победы на пражском конкурсе меня, а также обладателей второго и третьего места пригласили на гастроли по Италии. Мы побывали в Римини и других городах Адриатического побережья.

В 2012 году меня вновь пригласили в Прагу. Мне повезло выступить в качестве солистки с Чешским национальным филармоническим оркестром. Я исполняла концерт Грига.

Не могу не вспомнить мои выступления на петербургском фестивале «Шаг навстречу» в 2010, 2012 и 2013 годах. В числе фестивальных площадок были Большой зал Санкт-Петербургской филармонии и Смольный собор.

Также мне несколько раз довелось принимать участие в фестивале «Музыка света», который проходит в Московском доме музыки. Это одна из главных столичных концертных площадок.

— *В разговоре с музыкантом нельзя не спросить*

о творческих планах. Чем вы хотите дальше заниматься?

— Я пишу музыку самых разных жанров: детские песни, романсы, песни о любви. Даже патриотические, военные песни есть в моём репертуаре. Ещё я пишу музыку для фортепьянных дуэтов.

Меня привлекает жанр фортепьянного дуэта и как исполнителя, и как композитора. Кстати, фортепьянные дуэты бывают разными. Иногда два музыканта играют в четыре руки на одном рояле, иногда используются сразу два рояля.

Мне также очень нравится заниматься научно-методической и педагогической работой. Хотелось бы заниматься исследованием и совершенствованием методики обучения игре на фортепьяно инвалидов по зрению.

Часто для незрячих исполнителей характерна глубинная мышечная зажатость, а также резкие движения. Но эти особенности вполне можно преодолеть! Зжатость уходит. Движения становятся мягче...

Ещё одна особенность инвалидов по зрению, которую, на мой взгляд, необходимо учитывать при обучении музыке, — медленная реакция. Всё-таки зрение способствует быстрой реакции человека на внешние раздражители. А незрячие и слабовидящие люди часто довольно медлительны. Это не может не сказываться при обучении музыке.

Исполнительская деятельность — это, конечно, не спорт. Но определённый уровень физической подготовки всё-таки лучше иметь! Например, если у пианиста или пианистки отсутствует мышечный корсет, если он или она постоянно сутулится, то это сказывается на качестве игры.

— *К сожалению, сутулость — распространённая проблема среди инвалидов по зрению.*

— Творческая активность должна сочетаться с занятиями адаптивной физической культурой, танцами, йогой и т.д. Тогда и сутулости не будет!

Ещё один важный вопрос — пространственная ориентировка. Может быть, эта мысль звучит парадоксально, но, по моим наблюдениям, незрячие люди, которые хорошо ориентируются в городе, уверенно владеют белой тростью, также хорошо ориентируются и на клавиатуре рояля.

В жизни всё связано между собой. Самостоятельные перемещения по городу, умение активно пользоваться общественным транспортом придают слепому музыканту уверенность в себе. А эта уверенность очень помогает достойно держаться на сцене и достигать наилучших результатов!

— *Знаю, что о физической активности вы рассказываете на основании своего личного опыта.*

— Я много времени провожу в тренажёрном зале, занимаюсь танцами, люблю плавать. А ещё регулярно посещаю занятия московского бегового клуба «Мы вместе», в котором бегом вместе занимаются инвалиды по зрению и зрячие люди.

Когда слепой и зрячий бегуны выходят на дистанцию, их ладони соединяет прорезиненная верёвочка. Можно использовать и обычную верёвочку, но прорезиненная помогает добиться синхронности движений двух спортсменов.

— *Елена, что вы могли бы пожелать читателям журнала «Школьный вестник»?*

— Каждому читателю хотелось бы пожелать добить-

ся в жизни поставленных целей. Если жизненной целью является музыкальное творчество, постижение мира музыки, то в её достижении может помочь Российская государственная специализированная академия искусств.

ПРОБА ПЕРА

Ксения Каёва

Ученица Грязовецкой школы-интерната

КОЗА

У меня живёт коза.
Ух, какая дереза!
Проберётся в огород
И обратно не идёт.

Ест капусту и морковку
Очень весело и ловко!

Как увидит хвостину,
Выгнет беленькую спину —
И по грядкам удирать...
Нам с сестрёнкой не догнать!

ПОПУГАЙ

Мне купили попугая,
А что делать с ним — не знаю.
Полетал на кухне он —
Не осталось макарон.
Поголял в гостиной ночью —
Разорвал тетрадки в клочья.

С кошкой нашей разодрался
И её не испугался.
Как его мне воспитать?
Может, в клетку запирасть?

Анна Царапкина

Ученица Челябинской школы № 127

ЧЬИ КРЫЛЬЯ ЛУЧШЕ?

Жила-была стрекоза Лили. У неё были разноцветные прозрачные крылышки, которые переливались на солнце, как радуга. Лили жила рядом с красивым водопадом. Она была ещё совсем маленькая и долго могла играть с другими стрекозами.

И вот однажды, играя с подругами, она не заметила, как оказалась в незнакомом месте. Рядом не было знакомого водопада, а была красивая поляна. На поляне стрекоза увидела разноцветную бабочку. Раньше стрекоза не видела бабочек.

— Кто ты? — спросила она. — И почему у тебя такие странные и совсем не прозрачные крылья?

— Я — бабочка, — ответила её новая знакомая, — у бабочек самые красивые крылья.

И они начали спорить, чьи крылья лучше.

— Мои крылья прозрачные, и они переливаются, как радуга.

— А мои крылья разноцветные и яркие, и их можно увидеть издалека.

Потом прилетела Божья коровка и разрешила их спор.

— Не спорьте, — сказала она, — у каждой из вас крылышки очень красивые. Ваши разные крылышки

защищают вас от хищников: бабочки живут на поляне, и их сложно отличить от цветочков, а прозрачные крылья стрекоз радугой переливаются на фоне воды.

Так Божья коровка примирила стрекозу и бабочку. После этого они подружились и стали прилетать в гости друг к другу.

Кристина Габайдуллина

Ученица Челябинской школы № 127

ВОЛШЕБНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

В одной уральской деревне жила-была семья: мама, папа и их сын Дима. Мама была домохозяйкой, а папа археологом. Дима ещё не ходил в школу, поэтому папа часто брал его в походы с собой, и мальчика смело можно было назвать юным археологом.

Однажды папа с Димой отправились исследовать одну далёкую пещеру. Они надеялись найти там следы древних людей. Несколько дней археологи провели в походе, очень устали. Поэтому они устроили привал. Дима стал разводить костёр, и вдруг его внимание привлёк блестящий твёрдый предмет под ногами. Вместе с папой они раскопали волшебную шкатулочку. Шкатулка была золотая и покрыта изумрудами и жемчужинами, но как только они её попытались открыть, повалил густой чёрный дым. Шкатулка куда-то исчезла, а перед ними стоял самый настоящий джинн. Наши герои очень испугались.

— Не бойтесь, — сказал он, — я добрый джинн Джинус. Долгих 100 лет я сидел в этой шкатулке. Меня заточила злая волшебница Фала. Спасибо, что освободили меня. За это я исполню любое ваше желание.

Папа с сыном хотели пожелать себе новый дом, так как старый у них сильно пострадал в прошлом году от наводнения, но мальчик сказал папе:

— Давай попросим джинна сделать так, чтобы на Урале никогда не было наводнений, сильных пожаров и других стихийных бедствий. А дом мы постепенно построим сами.

Так и решили. Джинн обещал всегда охранять Урал от стихийных бедствий. Но когда Дима с папой вернулись домой, они увидели, что на месте старого дома стоит новый. Джинус оценил благородство наших героев и исполнил два желания.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Марина Платонова

Скручены дни в века,
Скручены туго-туго...
Так, что слаба рука,
Так, что бессильна вьюга.
Тысячи снов и зим,
Тысячи взглядов, жестов.
Верю, стихам моим
Где-то найдётся место.

Это там, где писал Пастернак,
Это в городе сказочно-старом...
За шагами торопится шаг
По побитым дождём тротуарам.
Это в городе выцветших дней
И столетий, цветущих упрямо...
Сочетанье листвы и теней,
И просящий на паперти храма.
И за мигом торопится миг,
Никому до конца не подвластный.
И от этой понятности книг
Мне так многое стало не ясно...

Встречу друзей, как встречают весну.
Взгляды светлее рассвета...
Пусть тишина упадёт в тишину
Там, за реальностью, где-то.
Грусть и заботы скорее в огонь...
Где-то за окнами вьюга...
Как прикасается к ветру ладонь,
Души коснутся друг друга.

Не обошлось без многоточий...
Неоднозначна тишина...
И эта выстраданность ночи,
И штора трепетно-бледна.
Полупрочитанностью книги —
Несочетание штрихов...
И в каждом падающем миге
Свобода будущих стихов.
И перепутаны страницы —
Полуобман, полунамёк...
И мне хотелось бы присниться
Тому, кто дорог и далёк.

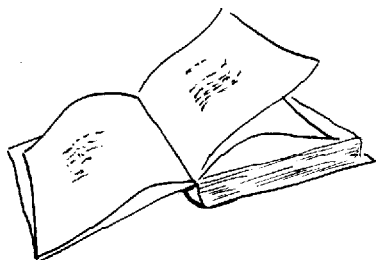
Отраженье мгновений, мерцание дня,
Снегопад, облака за стеной...
Неужели однажды забудут меня
И стихи зарастут тишиной?
Неужели никто через тысячи зим
И не вспомнит, кого я ждала?

И какие слова — полусвет, полудым —
Берегла, берегла, берегла?..

Душа по клавишам зимы —
Метель, метель и вдохновенье...
Я свет похитила у тьмы,
Чтоб строки лить без промедленья.
Стихи, как свечи, для тебя —
Смешно бояться искаженья...
Любовь с оттенками дождя
Влилась в метельное скольжение.

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

1895 — 1934

Поэт Эдуард Багрицкий родился в Одессе 3 ноября 1895 года. При рождении у него была другая фамилия. Его отец, Годель Дзюбин, владел небольшим галантерейным магазином. Мать вела домашнее хозяйство. Это она, большая любительница душещипательных польских романов, назвала своего сына Эдуардом. Любящие родители мечтали о безбедном будущем сына и отдали его в реальное училище, а он терпеть не мог математику, испытывал глубокое отвращение к медицине и категорически не соглашался с планами родителей, «типичных представителей еврейской мелкой буржуазии», как Багрицкий будет позже писать в автобиографиях советского периода. «...Их мечтой было сделать из меня инженера, в худшем слу-

чае доктора или юриста». Единственные предметы, по которым он успевал в реальном училище, — это история, русский язык, литература. После училища он окончил курсы землемеров и благополучно забыл всё, чему его там учили.

Он хотел быть художником, потом страстно увлёкся поэзией. По воспоминаниям одноклассников, большая часть рукописного журнала в училище была заполнена его стихами, рисунками и карикатурами.

В 1914 году в одесском альманахе «Аккорды» он впервые увидел свои стихи напечатанными, подписаны они были псевдонимами «Дэзи» и «Э.Д.». Летом 1914 года на вечере молодых поэтов он впервые выступает под псевдонимом «Багрицкий». По легенде, два друга-поэта Натан Шор и Эдуард Дзюбин разыграли два цвета — фиолетовый и багряный, которые и стали их литературными псевдонимами. Критика особо отметила выступление Багрицкого. С тех пор он постоянно участвует в литературных вечерах, публикуется почти во всех многочисленных одесских поэтических альманахах и считается самым талантливым из молодых одесских поэтов.

В 1917 году в составе лечебно-питательного отряда Всероссийского Земского союза помощи больным и раненым Багрицкий очутился на Персидском фронте. Отряд, судя по названию, в активных боевых действиях участия не принимал. Да и должность у Багрицкого была довольно миролюбивая — делопроизводитель.

По воспоминаниям современников, вопреки большому количеству романтических стихотворений о море он плохо переносил качку и вышел в море на яхте единственный раз в 1918 году.

В 1917 — 1919 годах Багрицкий участвовал практи-

чески во всех литературных объединениях, существовавших тогда в Одессе. Он легко импровизировал, безукоризненно владел поэтической формой — мог на спор за пять минут написать сонет на заданную тему.

В 1918 году Багрицкий попадает в Красную Армию, был ли он призван или пошёл туда добровольцем — документально не установлено. Его зачислили в политотдел особого партизанского отряда 1-й Конной армии и поручили писать агитки.

Вернулся Багрицкий полный военных впечатлений. Ходил по городу в бекеше, галифе и папахе. Его принимали за красного командира. Довольно быстро всё это великолепие пришлось продать на толкучке, чтобы хоть как-то кормить семью.

Он был женат на Лидии Густавовне Суок, старшей сестре Серафимы Суок — жены поэта Владимира Нарбута. Именно это обстоятельство трагическим образом вмешалось в судьбу Лидии Суок.

В 1937 году она отправилась на приём в НКВД, надеясь, что ей, в ту пору вдове известного поэта, удастся вызволить из следственной тюрьмы Владимира Нарбута. Из приёмной она не вышла. Заступничество было расценено как пособничество. Её тут же переправили в тюрьму, а затем в лагерь. В лагере и ссылке жена Багрицкого провела семнадцать лет.

В Одессе Багрицкий жил бедно и неустроенно. Сколько-нибудь значительных литературных заработков у него не было. Газета «Моряк», с которой Багрицкий сотрудничал, расплачивалась с ним крупой, солёной килькой и табаком. Долгое время вместе с женой и сыном Всеволодом он жил в маленькой подвальной комнатухе. Нехитрое хозяйство держалось на жене. Но и у Багрицко-

го были обязанности по дому. Когда сын долго не засыпал, он нараспев читал ему стихи — и свои и чужие. Возможно, впечатления самого раннего детства разбудили и в сыне поэта влечение к поэзии. (Поэт Всеволод Багрицкий погиб в 1942 году на фронте.)

После публичного спора с Маяковским Багрицкого перестали печатать в одесской прессе. Семья жила в ужасающей нищете, для того, чтобы купить Багрицкому приличную одежду, одесские поэты устроили вечер в его пользу.

С детства поэт болел астмой, приступы которой снимал не только курением специального порошка, но и чтением стихов нараспев.

Осенью 1925 года Валентин Катаев уговорил Багрицкого переехать в Москву, пока одного, без семьи. Из-за обострившейся астмы, сказалась резкая смена климата, он часто и тяжело болел и не мог из-за этого ходить по редакциям. Выручили перебравшиеся в Москву одесские литературные знакомые. Они, вспоминая Паустовский, «расхватили у Багрицкого все привезённые стихи — весь этот рокошующий черноморский рассол, все поющие строфы, пахнущие, как водоросли, растёртые на ладони». И разнесли их по всем московским журналам. Там стихи Багрицкого встретили восторженно. Со всех сторон к Багрицкому потекли солидные авансы. Одна за другой вышло несколько книг стихов. Когда жена Багрицкого приехала в Москву, она едва узнала поджидавшего её на перроне мужа. На Багрицком было новое, купленное в магазине, добротное пальто. В Одессе стеснённый материальными обстоятельствами поэт ходил «в чём бог пошлёт».

В Москве Багрицкий сначала примкнул к литературной группе «Перевал», но в 1930 году (вряд ли из творческих соображений, скорее вынужденно, понимая, что другого пути у него нет) вступил в РАПП. Власть ценила Багрицкого. Считала его образцовым советским поэтом.

Переезд в столицу из тёплой и солнечной Одессы плохо отразился на здоровье поэта. Приступы бронхиальной астмы стали более частыми и более продолжительными. Появились осложнения. Багрицкий перенёс несколько пневмоний. Последняя, четвёртая, свела его в могилу. Случилось это 16 февраля 1934 года.

Багрицкий держался до последнего. «От него умирающего шёл ток жизни», — писал Бабель.

Хоронили Багрицкого торжественно. За его гробом с шашками наголо шёл эскадрон молодых кавалеристов.

О творчестве Багрицкого спорят до сих пор: кто он — певец революции и Гражданской войны или поэт, сомневающийся в правильности происходящего в стране. Немало поводов для дискуссий дала опубликованная уже после его смерти поэма «Февраль». Да, Багрицкий восторженно принял революцию. И революция виделась поэту в романтическом, во многом приподнятом над действительностью ореоле. Поэт огромного дарования, Багрицкий намного глубже. Он видел мир многогранным и красочным, как и птицелов из одноимённого стихотворения:

И пред ним, зелёный снизу,
Голубой и синий сверху,
Мир встаёт огромной птицей,
Свищет, щёлкает, звенит.

* * *

От чёрного хлеба и верной жены
Мы бледною немочью заражены...

Копытом и камнем испытаны годы,
Бессмертной полынью пропитаны воды, —
И горечь полыни на наших губах...

Нам нож — не по кисти,
Перо — не по нраву,
Кирка — не по чести
И слава — не в славу:
Мы — ржавые листья
На ржавых дубах...

Чуть ветер,

Чуть север —

И мы облетаем.

Чей путь мы собою теперь устилаем?

Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?

Потопчут ли нас трубачи молодые?

Взойдут ли над нами созвездья чужие?

Мы — ржавых дубов облетевший уют...

Бездомною стужей уют раздуваем...

Мы в ночь улетаем!

Мы в ночь улетаем!

Как спелые звёзды, летим наугад...

Над нами гремят трубачи молодые,

Над нами восходят созвездья чужие,

Над нами чужие знамёна шумят...

Чуть ветер,

Чуть север —

Срывайтесь за ними,

Неситесь за ними,
Гонитесь за ними,
Катитесь в полях,
Запевайте в степях!
За блеском штыка, пролетающим в тучах,
За стуком копыта в берлогах дремучих,
За песней трубы, потонувшей в лесах...

БЕССОННИЦА

Если не по звёздам — по сердцебиенью
Полночь узнаёшь, идущую мимо...
Сосны за окнами — в чёрном опереньи,
Собаки за окнами — клочьями дыма.
Всё, что осталось!
Хватит! Довольно!
Кровь моя, что ли, не ходит в теле?..
Уши мои, что ли, не слышат вольно?
Пальцы мои, что ли, окостенели?..
Видно и слышно: над прорвою медвежьей
Звёзды вырастают, в кулак размером!
Буря от Волги, от низких побережий
Чёрные деревни гонит карьером...
Вот уже по стёклам двинуло дыханье
Ветра, и стужи, и каторжной погоды...
Вот закачались, загикали в тумане
Чёрные травы, как чёрные воды...
И по этим водам, по алому вою,
Крыльями крыльца раздвигая сосны,
Сруб начинает двигаться в прибое,
Круглом и долгом, как гром колёсный...
Словно корабельные пылают знаки,
Стёкла, налитые горячей желчью,

Следом, упираясь, тащатся собаки,
Лязгая цепями, скуля по-волчьи...
Лопнул частокол, разлетевшись пеной...
Двор позади... И на просеку разом
Сруб вылетает! Бревенчатые стены
Ночь озирают горячим глазом.
Прямо по болотам, гоняя уток,
Прямо по лесам, глухарей пугая,
Дом пролетает, разбивая круто
Камни и кочки и пни подгибая...
Это черноморская ночь в уборе
Вологодских звёзд — золотых баранок;
Это расступается Чёрное море
Чёрных сосен и чёрного тумана!..
Это летит по оврагам и скатам
Крыша с откинутой назад трубою,
Так что дым кнутом языкатым
Хлещет по стволам и по хвойному прибою.
Это стремглав, наудачу, в прорубь,
Это, деревянные вздувая рёбра,
В гору вылетая, гремя под гору,
Дом пролетает тропой недоброй...
Хватит! Довольно! Стой!

На разгоне

Трудно удержаться! Ещё по краю
Низкого забора ветвей погоня,
Искры от напора ещё играют,
Ветер от разбега ещё не сгинул,
Звёзды ещё рвутся в порыве гонок...
Хватит! Довольно! Стой!

На перину

Падает откинутый толчком ребёнок...

Только за оконницей проходят росы,
Сосны кивают синим опереньем...
Вот они, сбитые из брёвен и тёса,
Дом мой и стол мой: моё вдохновенье!
Прочно установлена косая хвоя,
Врыт частокол, и собака стала.
Милая! Где же мы?
— Дома, под Москвою;
Десять минут ходьбы от вокзала...

ВЕСНА

В аллеях столбов,
По дорогам перронов —
Лягушечья прозелень
Дачных вагонов;
Уже окунувшийся
В масло по локоть
Рычаг начинает
Акать и окать...
И дым оседает
На вохре откоса,
И рельсы бросаются
Под колёса...
Приклеены к стёклам
Влюблённые пары, —
Звенит палисандр
Дачной гитары:
«Ах! Вам не хочется ль
Под ручку пройтись?..» —
«Мой милый! Конечно,
Хотится! Хотится!..»
А там, над травой,

Над речными узлами
Весна развернула
Зелёное знамя, —
И вот из коряг,
Из камней, из расселин
Пошла в наступленье
Свирепая зелень...
На голом прутье,
Над водой невесёлой
Гортань продувают
Ветвей новосёлы...
Первым дроздом
Закликают леса,
Первою щукой
Стреляют плеса;
И звёзды
Над первобытной тишью
Распороты первой
Летучей мышью...

Мне любы традиции
Жадной игры:
Гнездовья, берлоги,
Метанье икры...
Но я — человек,
Я — не зверь и не птица,
Мне тоже хочется
Под ручку пройтись;
С площадки нырнуть,
Раздирая пальто,
В набитое звёздами
Решето...

Чтоб, волком трубя
У бараньего трупa,
Далёкую течку
Ноздрями ощупать;
Иль в чёрной бочаге,
Где корни вокруг,
Обрызгать молоками
Щучью икру;
Гоняться за рыбой,
Кружиться над птицей,
Сигать кожаном
И бродить за волчицей;
Нырять, подползать
И бросаться в угон, —
Чтоб на сто процентов
Исполнить закон;
Чтоб видеть воочью:
Во славу природы
Раскиданы звери,
Распахнуты воды,
И поезд, крутящийся
В мокрой траве, —
Чудовищный вьюн
С фонарём в голове!..
И поезд от похоти
Воет и злится:
— Хотится! Хотится!
Хотится! Хотится!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Кто услышал раковины пенье,
Бросит берег и уйдёт в туман;

Даст ему покой и вдохновенье
Окружённый ветром океан...

Кто увидел дым голубоватый,
Подымающийся над водой,
Тот пойдёт дорогою проклятой,
Звонкою дорогою морской...

Так и я...
Моё перо писало,
Ум выдумывал,
А голос пел;
Но осенняя пора настала,
И в деревьях ветер прошумел...

И вдали, на берегу широком
О песок ударилась волна,
Ветер соль развеял ненароком,
Чайки раскричались дотемна...

Буду скучным я или не буду —
Всё равно!

Отныне я — другой...
Мне матросская запела удаль,
Мне трещал костёр береговой...

Ранним утром
Я уйду с Дальницкой*.
Дынь возьму и хлеба в узелке, —

*Улица в Одессе.

Я сегодня
Не поэт Багрицкий,
Я — матрос на греческом дубке...*

Свежий ветер закипает брагой,
Сердце ударяет о ребро...
Обернётся парусом бумага,
Укрепится мачтою перо...

Этой осенью я понял снова
Скуку поэтической нужды;
Не уйти от берега родного,
От павлиньей
Радужной воды...

Только в море
Бесшабашней пенье,
Только в море
Мой разгул широк.
Подгоняй же, ветер вдохновенья,
На борт накренившийся дубок...

Я сладко изнемог от тишины и снов,
От скуки медленной и песен неумелых,
Мне любы петухи на полотенцах белых
И копоть древняя суровых образов.
Под жаркий шорох мух проходит день за днём,
Благочестивейшим исполненный смиреньем,

**Шхуна с косым парусным оснащением.*

Бормочет перепел под низким потолком,
Да пахнет в праздники малиновым вареньем.
А по ночам томит гусиный нежный пух,
Лампада душная мучительно мигает,
И, шею вытянув, протяжно запекает
На полотенце вышитый петух.
Так мне, о Господи, ты скромный дал приют,
Под кровом благостным, не знающим волненья,
Где дни тяжёлые, как с ложечки варенье,
Густыми каплями текут, текут, текут.

АРБУЗ

Свежак надрывается. Прёт на рожон
Азовского моря корыто.
Арбуз на арбузе — и трюм нагружён,
Арбузами пристань покрыта.

Не пить первача в дорассветную стыдь,
На скучном зевать карауле,
Три дня и три ночи придётся проплыть —
И мы паруса развернули...

В густой бородач ударяет бурун,
Чтоб брызгами вдрызг разлететься;
Я выберу звонкий, как бубен, кавун —
И ножиком вырежу сердце...

Пустынное солнце садится в рассол,
И выпихнут месяц волнами...
Свежак задувает!
Наотмашь!

Пошёл!
Дубок, шевели парусами!

Густыми барашками море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...
В два пальца, по-боцмански, ветер свистит,
И тучи сколочены плотно.
И ёрзает руль, и обшивка трещит,
И забраны в рифы полотна.

Сквозь волны — навывлет!
Сквозь дождь — наугад!
В свистящем гонимые мыле,
Мы рыщем на ощупь...
Навзрыд и не в лад
Храпят полотняные крылья.

Мы втянуты в дикую карусель.
И море топчет как рынок,
На мель нас кидает,
Нас гонит на мель
Последняя наша путина!

Козлами кудлатыми море полно,
И трутся арбузы, и в трюме темно...

Я песни последней ещё не сложил,
А смертную чую прохладу...
Я в карты играл, я бродягою жил,
И море приносит награду, —
Мне жизни весёлой теперь не сберечь —
И руль оторвало, и в кузове течь!..

Пустынное солнце над морем встаёт,
Чтоб воздуху таять и греться;
Не видно дубка, и по волнам плывёт
Кавун с нарисованным сердцем...

В густой бородач ударяет бурун,
Скумбрийная стая играет,
Низовый на зыби качает кавун —
И к берегу он подплывает...
Конец путешествию здесь он найдёт,
Окончены ветер и качка, —
Кавун с нарисованным сердцем берёт
Любимая мною казачка...

И некому здесь надоумить её,
Что в руки взяла она сердце моё!..

ВТОРОЙ

Иду на специальность. Ослепительное солнце. Светит через закрытые веки, через кожу, через одежду, даже ногами чувствуется через кеды — идёшь по солнечному тротуару. Я иду медленнее, чем обычно. Солнце говорит — плюнь, Про, не ходи! Какие этюды, какой Бах, смотри, как тепло! Кончики пальцев чувствуют солнечный свет. Я дёргаю себя за ухо, за другое, за нос: очнись, Прошка, ты не на пляже! Вспомни, как ты хотел. Как ты поступал в эту школу, как тебя не брали, и ты кулаком разбил балконную дверь, когда не прошёл, чего ты тогда хотел, а? Мечтал! Чтобы вот так, солнечным днём идти на специальность. Иди и радуйся! Лентяй, пингвин. Иди, иди-иди.

Тяжёлая дверь школы, у меня не хватает сил, чтобы дёрнуть её на себя, и мелькает мысль: вдруг закрыто? А? Ну, вдру-уг! Открылась. Ну, ладно. Иди, не убьют же тебя там, зато потом будешь с чувством выполненного долга пить чай в буфете, и, может быть, придёт Густав. Даже наверняка придёт, почему бы ему не прийти?

На уроке я играю Баха. От солнца мой Бах растекается в лужу, расплывается, разбитое яйцо на полу, пальцы путаются. А я ведь выстроил его, и уже было, было здание, такое стройное, но хрупкое... Растеклось, рассыпалось. Эх, Прохор. Бездарность ты, нечего и воображать. В голове тоже лужа вместо мозга, и я слышу изда-лека, будто сквозь вату:

— Ноты выучить может даже обезьяна! Где музыка? Где, я спрашиваю?! Бросил фразу! Локоть! Куда ты тянешь кота за хвост? Нууу, теперь полетел, где ритм?!

...Ключ стучит по столу. Раз-два, раз-два!

Самое обидное, что пришла уже следующая ученица, Аня Лернер. Эх, и перед ней я так позорюсь. Но всё заканчивается, и этот кошмар не бесконечен. Марго выгоняет меня и сама садится за рояль. Показывает, как надо. Так, а можно и так, совсем по-другому. Главное, чтобы мысль была!

Я стою в дверях и стекаю по косяку. Нет, я не зря пришёл. Откуда она так может, Марго?! Откуда?

Она встаёт из-за рояля, идёт к окну. Злится, значит. Когда так злится — даже смотреть на тебя не хочет, на это ничтожество.

— Все нервы у меня вытягиваешь, Прохор! Ноты ладно, ноты ты выучишь, с твоей головой вообще стыдно в таком виде приходить. Но энергия, Прохор! Чем ты играешь, у тебя что, внутри вообще ничего нет? Мужчина ты или дохлая амёба? Никакого характера... Не солист, не ведёшь за собой! У девчонок больше силы, чем у тебя!.. Вот послушай сейчас Аню, послушай!

У Ани Лернер узкие плечи, тонкие пальцы, спичка, а не человек. Только волосы густые, чёрные, сильные-сильные, и глаза... яркие! Этими глазами она смотрит на меня и шепчет губами:

— Уйди, Про! Не слушай, уйди куда хочешь.

Ага, значит, и Аня сегодня не в форме. В моей предыдущей школе такого не было, а тут есть: на уроке часто сидит кто-то из одноклассников, и от этого так страшно играть, так страшно.

Я немного переживаю за Аню. Ведь это я разозлил Марго, и маленькая хрупкая Аня... Ой! Лучше не думать.

Я сижу на подоконнике, пью чай из пластикового стаканчика. Злюсь. Чай невкусный, обжигает горло. Злюсь

на Марго и ещё больше на свои руки, свою голову бес-толковую да и на Аню Лернер заодно. Ладно, ладно. Сейчас пройдёт, схлынет, и я смогу на холодную голову проанализировать.

Что? Какой анализ, Про! Ты что, смотри, какое солнце!

— Салют, Прохор! — Меня хлопают по плечу. — Как оно? На спец ходил?

— Угу.

— То-то я смотрю, у тебя вид такой отмороженный. Как Марго?

— Ослепительна, — говорю, — сияет, как роса на траве. А я рядом с нею тускл и прогоркл.

— Про?.. Прогоркл?

Мы начинаем ржать, как кони. Я изображаю, как Марго плюётся мной, как я лежу: испорченное блюдо второго сорта, можете взять, уценка. Соныч знает, он тоже учился у Марго, она его довела до нервного срыва. Сбежал от неё, перевёлся к Зондбергу. Конечно, хрен редьки не слаще, но ему там легче, нашли контакт.

И тут появляется Густав. Я всегда немного смущаюсь перед ним, понимаю: наша школа для таких, как он. А мы с Сонычем... так, недоразумение.

Я смущаюсь, а Соныч повторяет ему мою шутку про Марго, как она ослепительна, а я тускл и прогоркл. Густав тоже смеётся. Я рад, что рассмешил его, хотя с Густавом вот так валять дурака, как с Сонычем, не могу.

* * *

Я поступил в нашу школу, специальную музыкальную, со второго раза и, в общем, случайно; не должен был, но прошёл. Взяли авансом. После меня на экзамене играла Аня Лернер, я слушал из-за двери и понимал,

что мне тут нечего делать. Я просто умею ставить пальцы на клавиши. И всё. А делать музыку я не умею. Она звучит у меня внутри, но мои корявые руки не способны воспроизвести её. А Аня может.

И чудом я попал в класс к Марго. Мне сказали — пишите заявление к педагогу, а я никого и не знал, кроме неё.

У неё был концерт в кирхе, там бывают концерты. И мы с мамой пошли. Марго играла Баха. Я тогда оцепенел. Впервые замер от музыки, думал только: пускай не кончается, не кончается! И потом эта музыка звучала в моей голове, долго-долго...

Ну я и написал заявление к ней, безо всяких надежд, наудачу.

И был зачислен.

Чудо.

Я до сих пор не могу выйти из этого оцепенения, когда Марго говорит мне:

— Локоть води! Играй, Прохор, что ты, как амёба!!! Замороженный, ледяной мальчик! Скучный, не сольный... Тапёр, тебе бы в кинотеатре играть.

Они тут все другие. Они с детства. У них руки способны на всё, им остаётся только музыку делать. А я! Со своей деревенской школой, что я могу!

Ну, и я стал делать то, что действительно могу. Смешить. Смешить весь класс.

— Новенький? Как тебя зовут? — просто, по-детски спросила одна девочка.

Я потом узнал, что она Оля, флейтистка.

— Про, — сказал я.

— Как? Про! Как противоракетная оборона? Ух, ты, — сказала Оля. И другие тоже сказали «ух, ты», и Аня Лернер, и, может быть, даже Густав.

Густав мне не понравился. Воображала, подумал я сразу. Вот Соныч — нормальный парень, сразу видно. Свой. А Густав какой-то выпендрёжный. Тонкий шарф, пиджак... Больно следит за своей внешностью, что-то в этом есть неправильное для парня. И фамилия выпендрёжная, и имя, какой-то пазл, искусственное что-то, выдуманное: Густав Август. Анаграмма, имя из тех же букв, что и фамилия. Магический квадрат. Он, кажется, из Риги. В нём есть какая-то заграничность. Смотрит на нас свысока; ну и жил бы в своей Риге!

Он держался отдельно; в буфете садился один, если столы заняты — на подоконник. Не участвовал в наших общих штуках, когда мы флешмоб против англичанки придумывали. Я даже жалел его, думал, вот ненормальный. Какой-то аутист, людей боится.

Оказалось, ничего он не боится. Просто ему никто не нужен. Он просто — другой. Не мы.

— Пойдём, послушаем, — сказал мне Соныч.

Ну, послушаем так послушаем, в зал можно прийти и слушать репетиции, никто не может запретить.

— Пойдём, а кто сегодня будет? — спросил я.

— Так Густав же, — объяснил Соныч. Удивился моему незнанию. Ведь список репетиций в зале вывешен на двери. И все знают, когда Густав Август.

В зале было человек тридцать. Нормально для школьника вообще: просто урок, не концерт. Откуда они понабежали все?

— Это же Густав, — сказал мне Соныч.

Ну и дураки, подумал я. Значит, кто-то раскрутил этого Густава, значит, тут принято, что он талант. А на самом деле всего лишь нужно научиться нажимать правильные клавиши в правильное время. Вот и весь ваш

пианизм, всё ваше волшебство. Да и сначала он играл — ничего особенного. Ну, хороший пианист. И всё.

А потом начался Скрябин. И из-под меня поехал стул.

Не знаю, чем это объяснить. Может, всё очень просто. Просто Густав гений, и всё.

Меня будто крепко взяли и повели за собой. И я пошёл. Как дурак. Так бывает во сне, когда не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствуешь туловища, весь становишься одни уши, и в груди стучит сердце. Сердце с ушами, такой уродец. И думаешь: только бы не кончилось, не кончилось...

* * *

Один раз Густав спросил меня, что было на математике.

— Разложение многочленов на множители, — говорю.

— Какое ещё разложение? — не понял он.

— Моральное, — объяснил я.

Он моргнул, а потом расхохотался. Я страшно гордился своей шуткой, дня три. Да вру, не три — мне до сих пор кажется, что это дико смешно.

* * *

На камерный меня поставили с Олей. Камерный ансамбль, играть дуэтом или трио, например. Мне было всё равно с кем, я же никого не знаю. И Олю я не запомнил. У неё такое лицо обыкновенное. Это она меня тогда первая спросила — «как тебя зовут?»

Я потом несколько раз на других девчонок думал, что это и есть Оля, даже здоровался.

А когда она подошла и сказала:

— Мы с тобой вроде по камерному, да?

Я ответил:

— Нет, у меня Оля Коровина.

— Так это я же!

Вот я дурак, надо же так ошибиться. Ну, правда, таких лиц обыкновенных полшколы. Оля и Оля.

Но она не обиделась. Говорит — когда мою фамилию увидела, сразу обрадовалась.

Ну да, когда люди мою фамилию видят — они всегда радуются.

Оля смеётся. Ничего, кстати, Оля, когда смеётся — у неё ямочка, но не на щеке, а выше, на скуле. Слева. А справа нет. Хорошо смеётся, легко. Обычно девчонки хихикают глупо.

Проход Небейголова и Ольга Коровина. Отлично.

Чувствую, хорошенький выйдет у нас с ней этот камерный ансамбль.

* * *

И правда, вышел. И неплохой. Мой любимый теперь предмет. На камерный я лечу с радостью, и весь день сияет с самого утра, если вечером камерный. Не из-за Оли, нет.

Меня полюбила учительница, Ольга Степановна. Она много болеет, и мы ходим заниматься к ней домой. Раз я слышал, как по телефону её называли «Лёлочкой», и про себя теперь зову её так, хотя ей за пятьдесят, наверное. На втором уроке она сказала, что у меня редкие уши. Я сначала не понял, нормальные уши у меня, не торчат. Но она про другое говорила. Что пианисту обычно трудно сдержать в себе солиста, с нами бывает трудно играть. А я умею слушать другого. Я тонкий. Я... Такое слово — деликатный. Я такого даже не знал.

— Прохор, ваша природная деликатность иногда даже несколько вам мешает.

Да, Лёлочка с нами на «вы». Маленькая, хрупкая, со спины — девочка, с почему-то седыми волосами.

И вот она первая сказала мне, что я — могу. Стою. Что у меня есть то, чего у других нет. Что Оле со мной повезло.

И из Оли моей она тащит, тащит... Оля средняя флейтистка, я сразу понял — несмелая, просто такая лирическая девочка, в маленький оркестр куда-нибудь сядет и будет тихонько играть. На вторую флейту. И мне жаль Олю. Я чувствую, она как я: внутри у неё всё есть. Океан внутри, много. Не позволяют то ли руки, то ли дыхания не хватает. Флейта трудный инструмент, очень много воздуха впустую уходит, то есть не впустую, а мимо флейты. Так нужно дуть, чтобы воздух рассекался и внутрь инструмента попадало совсем немного. Так и есть: дуешь, дуешь в эту флейту, а на выходе пятая часть того, что вложил.

Оля привыкла, чтобы ей на экзамене говорили: какая хорошая девочка, умная. Молодец. Четыре.

Мне с ней правда было очень хорошо играть, уютно. И Лёлочка со временем нас стала из этого уюта вытаскивать:

— Если вы собираетесь так в переходе играть, то пожалуйста. Парковая игра. Но если в зале... Хорошо, мои дорогие, сидеть дома в тёплом одеяле. Давайте, делайте что-нибудь! Вам же есть что сказать! Так говорите! Чтобы слушателя пробить, в самую середину... Понимаете? Слушатель — он любит в скорлупе своей сидеть и чтобы ему красивое кино показывали... Но если вы его пробьёте, ребятки, он ваш, навсегда... Вы Мо-

царта играете, зайцы мои, это же концентрат всего, что в мире есть! В мире не только тёплые тапки! Чего вы играете, а?!

То есть она говорила мне то же, что и Марго. Но как-то иначе. Как-то не «эх ты, амёба», а «давай-давай, сможешь».

* * *

Потом мы шли с Олей к метро, и она мне рассказывала. Что вот я, со мной понятно: из маленькой музыкальной школы в райцентре, я талантливый, добился, поступил, с нуля... А у неё всё было, мама скрипачка, Олю учила с трёх лет, на скрипке не вышло, потом врачи велели слабые лёгкие развивать — вот и флейта, эта спецмузшкола с первого класса, лучший учитель, и что... И ничего. Плывёт по течению.

И понимает, понимает. Что никакого большого музыканта из неё не выйдет.

— Не говори ерунды. Ты хороший музыкант, ну, не орёшь в лоб, но с тобой играть мне нравится. И тонко, и содержательно.

Я хвалю её и даже, может, немного привираю. Ну чего она так к себе? Что за комплекс серой мыши. Нормально играет, не хуже других. И она отвечает:

— Знаешь, у флейтистов принято флейтой болтать во все стороны. Когда стоишь просто, тебе говорят: невыразительная игра. А я не могу, это мне искусственно, не нужно. Зачем это, будто флейтой мух гоняешь, что, от этого звук лучше?

Смешно. Мух гоняешь... Нет, эта Оля молодец. Хотя она правда зажато стоит, как в первом классе. Мне даже любопытно вытащить её из кокона, освободить, чтобы ей легко было играть, чтобы самой нравилось.

Мы занимаемся вечером в школе, допоздна.

— Давай, — говорю я, — что ты... Какдохлая амёба, играй давай, у тебя же есть внутри!

Оля не обижается. И не хочет уходить. И мне вдруг становится страшно. На улице темнеет; мне сейчас ещё её провожать придётся... Не, мы так не договаривались! И сейчас тоже, вдвоём в классе... Может, она думает про меня что лишнее?

Я хватаюсь за телефон, стараюсь выдумать себе срочное дело.

— Слушай... Я к Сонычу обещал зайти, он здесь где-то... Пойдёшь со мной?

— К Сонычу? — Оля почему-то краснеет. — Нет, я ещё позанимаюсь лучше.

— Тебя потом проводить, может? Поздно уже.

— Нет, — твёрдо мотает она головой. — Я сама.

Ну, сама так сама, чего я буду навязываться. Я иду вниз, смотрю журнал на вахте, где мы берём ключи и расписываемся. Сон-Левитин, ага, восемнадцатый класс, соседний с моим.

В его классе темно и холодно. Я вхожу и не сразу вижу Соныча на фоне окна.

— Ты чего, Дим? Можно свет включить?

— А, это ты... Не, у меня глаза болят, не надо.

Я иду к нему и чуть не наступаю на ноты, валяются на полу. Соныч раскидал. Вот псих! Глаза привыкают к темноте, и я вижу: Соныч без рубашки. По пояс голый, смотрит в открытое окно. Холодно ведь!

— Ты чего голый, Соныч?

— Ничего... Так. Жаркая битва с Шопеном.

— Вижу. — Я смотрю на раскиданные ноты. — Передрались?

— Ну, так, — встряхивает головой он.

Я впервые вижу, какие у него мышцы. Это тебе не я, Прохор, дохлый пианист-очкарик, у Соныча всё на месте. Дима Сон-Левитин, мой друг, корейско-еврейского происхождения, у него странный, страшно красивый разрез глаз, чёрные азиатские волосы и, как оказалось, широкие плечи и крепкий пресс.

— Ты качаешься? — спрашиваю его. Прямо модель из журнала, никогда бы не подумал!

— Так, — отвечает опять Соныч.

Он молчит, потом закрывает окно. И говорит:

— Слушай, Про... Вот Оля. Оля. У вас... Да?

— Чего у нас? У нас камерный ансамбль, а ты что думал?

— Не, ты мне скажи... Скажи, как есть. Роман? Если ты... По-настоящему, тогда ладно. Если реально роман. А если так...

Он вдруг хватает меня за рубашку и смотрит своими странными глазами, близко-близко:

— Если ты её обидишь... Смотри, Про. Смотри!

Только тут до меня доходит. Вот я дурак! Но я и подумать не мог, ладно бы Аня Лернер, она хотя бы красивая, а тут-то что, обычная Оля!

— С пятого класса, — говорит Соныч. — Таких сейчас не бывает. Ты посмотри, она будто из позапрошлого века! Так сейчас и смотреть никто не умеет... Такие глаза...

Соныч надевает футболку и становится похож на самого себя, мне уже не так страшно.

— Дим, Дим, я же не знал. У нас... У нас ничего нет, совсем. Близко даже. Ты... Ты чего сам не подойдёшь к ней?

— Боюсь, — просто отвечает Соныч. Обычный Димка

Сон-Левитин, Соныч, мой друг.
— Хочешь, спрошу про тебя?..
— В табло получишь, не смей!

* * *

Мы играем экзамен. Камерный ансамбль.

Мы с Олей Коровиной смертники. Во-первых, мы играем Моцарта. Моцарт — обязательное испытание, мучение, за него никогда не ставят пятёрок, это не принято. Потому что в Моцарте мало нот, и просто сыграть их все не так сложно. Нужно что-то такое особенное, чему нет названия, вернее, есть: «умение играть Моцарта». Считается, что школьники этим умением не могут обладать по причине отсутствия опыта.

А я влюбился в Моцарта, по уши; я забросил специальность и играю только его, разное. И всё это из-за Оли. Она мне показала, как он дышит, как звучит — будто чистую воду пьёшь, и из первой ноты так естественно вытекает вся соната, будто другой музыки там и быть не могло. Как скульптор достаёт уже готовую скульптуру из неотёсанного камня, шаг за шагом. Так и Моцарт — из мира звуков высекал одно единственно возможное произведение, удивительная штука, чудо. Музыка натянута от начала до конца, как леска, нигде не провисает, нигде не рвётся...

Моцарт прожил всего тридцать семь. Когда он успел столько?

Да, мы играем Моцарта, поэтому считаемся смертниками. Вторая причина — это порядок. Не повезло. Перед нами играют виолончельную сонату Бетховена Рома Семёнов и Густав Август.

Ромка тоже знаменитость на виолончельной кафед-

ре. Жаль, я не могу их послушать — перед своим выступлением не слушают никого, чтобы не сбить настрой.

Не помню, как мы играли. Страшно волновался за Олю, не за себя. Я-то сыграю. Но она начала так здорово, таким звуком необыкновенным... И чудо: повела меня за собой, будто она сильнее. Я просто был рядом каждую секунду, и всё.

Подумал только, что всегда хочу с ней играть. Она меня чувствует, и я её.

Соныч треснул по плечу, сказал:

— Ну, ты крут, Противоракетный!

К Оле не подошёл. А она вдруг расплакалась.

Я мигал, мигал Сонычу — подойди, дурак!!! Подойди сейчас, утешь девушку! Нет, этот ненормальный стоит столбом.

Пришлось мне.

— Ты чего? Чего ты, Оля, хорошо же играла!

— Правда... Правда хорошо?

Она вдруг села на пол.

— Ты чего?!

— Ноги не держат, — она засмеялась, — вообще сил нет...

Тут уж Дима Сон-Левитин догадался дать ей руку. Я тихонько утопал на лестницу. Пусть сами.

Странно остаться одному. Одному с Моцартом в голове. Я облокотился на перила и смотрю вниз, как лестница заворачивается улиткой, красиво. В бесконечность.

— Поздравляю, — услышал знакомый царственный голос и вздрогнул. Марго! Слышала?!

— В ансамбле ты удивительно раскрываешься, Прохор. Буду с тебя теперь требовать большего. Можешь, умеешь. Держись, мало не покажется! — и она рассме-

ялась своим королевским смехом, и я впервые тоже смог улыбнуться при ней.

Объявляли результаты. У Сон-Левитина трояк. Страшно даже. Оля одной рукой в меня вцепилась, другой в Соныча. Ждём своих фамилий.

Семёнов, Август — отлично с минусом... Коровина, Небейголова — отлично с минусом...

— Чего это Густаву минус? — спрашиваю я. Про нас я пока не понял. Это невозможно, чтобы так.

Соныч сияет, забыл про свой трояк. А У Оли блестят глаза, и она трескает меня по лбу:

— Всё из-за тебя! Из-за тебя, Небейголова ушастая!.. Первая пятёрка за всю жизнь, первая!..

И у меня первая. И за что — за Моцарта! Нас все поздравляют, а наша Лёлочка полезла обниматься и даже расцеловала меня в обе щеки.

Внезапно у меня схватывает живот. Сильно.

Бегу в туалет и долго не могу выйти. Даже немного реву, пока никто не видит. Я смог, смог! Мы с Олькой сыграли по-настоящему, по-настоящему!

Вдруг я слышу голос Густава. Он говорит с кем-то по телефону, тоже мне, лучше туалета места не нашлось! Встал к окну и говорит. Он же не знает, что я здесь, и мне теперь не выйти.

— Да, с минусом... Виноват, конечно, сам, я знаю. Понесло меня, понимаешь? И Ромку завалил... С виолончелью так нельзя, я понял уже. Понесло само, я не специально, разошлись даже... Не, чуть-чуть, почти незаметно, но неприятно... Главное, Ромке пришлось давить. Я кретин, не дал ему прозвучать. Да я знаю, что со мной хреново играть, мне Ромка уже высказал... Одеяло на себя тянешь, говорит. Поссорились даже. Хотя, знаешь,

у нас в классе только один парень нормально ансамбль сыграл. Ага. Остальные так... Главное, девочка там такая средняя, флейтистка. Вообще не фонтан, нечего слушать...

Так бы и дал ему сейчас в лоб! За Олю! Больно воображает... Прямо вот сейчас выйду и скажу!

— Да, я сначала не слушал толком, переживал за нашего Бетховена, лажанулись мы, неприятно. Ну, и потом после Ромки такая совсем бледная девочка... Но, знаешь, я понял. Как важно уметь вторым быть. Впервые услышал. А то у нас все на себя играют. А тут — вторым. Бережно-бережно... Девочка прямо расцвела, знаешь. Я бы даже его попросил со мной концерт Рахманинова сыграть. Этот сможет, точно. Умеет вторым. Никто так не умеет... Прохор, да. Смешной такой, Небейголова. Чего? Да фамилия такая, представь!

Смешной. Сам-то, можно подумать, не смешной. А всё ж таки за Олю он у меня получит в табло, какой бы он ни был Густав.

Я просидел в туалете до темноты. Меня искали, звонили. Не отвечал.

А потом тихо вышел из школы, вокруг никого. У перегоревшего фонаря стало видно, какое небо звёздное.

Я включил у себя в голове концерт Рахманинова погромче и пошёл домой.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Маша Лукашкина

ПЕСЕНКА О СЛОВЕ «ВДРУГ»

С утра, с утра
Дождь молотил по крыше...
Мы недовольны были выходным.
Но вдруг, но вдруг
на небо солнце вышло —
и дождик стал хорошим, стал грибным.

Весь день, весь день
мы ждали электричку.
Стояли на платформе три часа.
Но вдруг, но вдруг
Увидели лисичку...
И это не лисичка, а лиса!

Всю ночь, всю ночь
В окно луна светила,
Не позволяла нам спокойно спать.
Но вдруг, но вдруг
Нас темнотой накрыло
И лунный зайчик к нам скользнул в кровать.

И мы, и мы
Забыли все печали,
И стали веселей глядеть вокруг.

Ведь если нам
Не повезло вначале,
Надежда есть на слово —
Слово «вдруг».

О КОНФЕТЕ, КОТОРАЯ МОЖЕТ, ПО ЖЕЛАНИЮ, ПРЕВРАТИТЬСЯ В КАКУЮ УГОДНО

Вот бы кто-нибудь однажды
Эту изобрёл конфету!
Если вам зимой неважно,
Вы скучаете по лету —

Ненароком или мельком
Посчитайте: «Раз, два, три...» —
На ладошке карамелька!
С джемом ягодным внутри!

Может умная конфета
Сделать и наоборот:
Чувствуете: жарким летом
Дел у вас невпроворот?

Пот со лба смахнув устало,
Посчитайте: «Раз, два, три...» —
Леденцом конфетка стала!
Зимний холодок внутри.

Станет сливочной помадкой
(Любо-дорого смотреть!)
Или даже шоколадкой,
Стоит только ЗАХОТЕТЬ!!!

Ну, а если кто-то хочет
ЧТО-ТО, САМ НЕ ЗНАЮ ЧТО,

Что придумает конфета?
Превратится... но во что?

А проверьте.
Взяв конфету,
Посчитайте: «Раз, два, три...»
Разверните. Поглядите.
Видите?... Пуста внутри.

СТИХИ ОБ ОГРОМНОМ СЛОНЁНКЕ

Слонёнок был огромным: огромный рост,
Огромные уши и огромный нос!

И дом, в котором жил Слонёнок, был огромным тоже.
С огромным голубым окном! С огромною прихожей!

И каждое утро, когда в окошко
Стучала солнца огромная ладошка,

Слонёнок шёл гулять в огромнейший сад...
И когда, нагулявшись, возвращался назад,

Его ждал обед — супа полное блюдо,
На дне — огромный рисунок верблюда.

А после обеда — огромная конфета
Из стоящего в углу огромного буфета.

И игры во дворе в мяч огромный, прыгучий,
И небо огромное с малиновой тучей,

И полный круг луны — огромный, золотой,
И кружка молока с ватрушкой завитой,

И сны в огромной уютной спальне
Под мамину песню:
«Баю-бай... мой маленький!»

НЕИНТЕРЕСНО СПАТЬ В КРОВАТИ

Неинтересно спать в кровати.
Другое дело — на полу,
На сундуке и на полатях,
На лавке, под столом,
В углу на печке...
Будут там
Не сны, а сказки сниться вам!

Прекрасно спать на верхней полке
В вагоне поезда... Вокруг
Мелькают станции, посёлки...
И чёрный лес взлетает вдруг
За вами следом...
Тук-тук-тук!
Я спать люблю под этот стук!

Как хорошо заснуть на травке
Под горкой. Или у реки.
Вдыхаешь мяты запах сладкий.
Кругом порхают мотыльки...
Приятно на спине лежать,
Мечтать. И воздухом дышать.

Неинтересно спать в кровати...
Другое дело на полу.
На сундуке и на полатях,
На лавке, под столом,
В углу на печке...

И т.д., повторяешь, пока не уснёшь.

КОШАЧЬЕ ЗАКЛИНАНИЕ, ИЛИ ДРУГ ПЕРЕЛЁТНЫХ ВОРОБЬЁВ*

ГЛАВА 12

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Красноватое июньское солнце едва взбурило горизонт, и нежно-зелёное ячменное поле медленно насыщалось разлившимся светом, а старик Сомов со своей верной кобылой Изольдой уже проделали больше половины пути до стана.

— Эх, жизнь наша! — рассуждал Сомов вслух, и кобыла, прислушиваясь к неспешной стариковой речи, согласно кивала на ходу. — Туда-сюда, туда-сюда, оглянулся — а уже и не туда и не сюда!..

Копыта лошади мягко проваливались в серую, почти невесомую и прохладную с ночи пыль, поскрипывала передняя ось телеги, а за спиной старика, в бочке, глухо и лениво, словно человек с боку на бок, переваливалась вода.

— И пусть уже не надо ни туда, ни сюда — а ведь всё равно хорошо, потому как — жизнь! — философически закончил старик Сомов.

И замолчал. Так бы он и промолчал, наверное, до самого полевого стана, куда по три раза на день привозил свежую речную водицу. И кобыла Изольда плелась бы да плелась знакомой дорогой. Да не тут-то было!

*Продолжение. Начало читайте в № 2 за 2016 г.

Перед самой мордой лошади из придорожных кустов поднялась вдруг мешковатая фигура в грязной, протёртой до дыр на локтях телогрейке с иностранной этикеткой на рукаве. Человек встряхнулся по-собачьи, робко шагнул навстречу повозке.

— Кто ж таков будешь? — без страха, скорее с любопытством спросил старик Сомов, разглядывая незнакомца. — Не из нашенских, гляжу?

Незнакомец был молод, пухлощёк, тяжеловат для своих лет. Наряд его дополняли полосатые портки и порядком измочаленные лапти.

— Водички бы... — облизав сухие губы, попросил человек в рваной иностранной телогрейке.

— Издалека будешь? — участливо поинтересовался старик водовоз, протягивая ковш.

— Издалека, — подтвердил незнакомец, переводя дух. — От самой границы...

— Тю-у, от границы! — присвистнул старик и мелко, дребезжаще рассмеялся. — Мил человек, от границы досюдова, поди, вёрст под тысчонку наскребётся, а то и поболе!

— Вот так и полз, где на пузе, где на карачках. — Словно сам не до конца веря своим словам, пухлощёкий оглянулся по сторонам, ткнул для убедительности пальцем в сторону кустов, откуда недавно выбрался: — И ведь дошёл! Дополз то есть...

— Так не шпиён ли будешь? — в задумчивости почесал кнутом в затылке старик Сомов. — Мил человек, ты уж извиняй, не больно разбираемся, у нас тут шпиёнов-то отродясь не водилось...

— Шпион и диверсант иностранный, — подтвердил пухлощёкий, неуклюже переступая лаптями. — Продался почти десятку различных разведок!

— Во-он оно что, — понимающе вздохнул старик Сомов, а кобыла Изольда мотнула головой.

— Хороша водица, — похвалил пухлощёкий шпион.

— Ну, мы поедем, — спохватился старик Сомов. — На работе как-никак!

— И я на работе! — засуетился и диверсант, выхватив из-за пазухи ненашего обличья блокнот. — Слушай, дед! Вот это вот поле, оно чем засеяно? Овсом? Или капустой?

Старик оглянулся по сторонам, пожевал губами, разглядывая робкие зелёные всходы.

— Это бананы, — наконец сообщил он. — Сельдереевых сортов. Сам не видишь?

— Вижу! — отозвался шпион и диверсант, что-то тщательно записывая в блокнот. — Но, дед, любые данные следует проверять! И сколько гектаров это поле?

— Станный вы народ, шпиёны. — Старик привстал на телеге, стараясь заглянуть пухлощёкому в блокнот.

Но в блокноте было чисто, буквы испарялись, едва написанные.

— И начальство у вас глупое! Нешто надо было тебя сюда гонять?! Будто спутников в небе мало! Нешто отсюда не видать, сколько гектаров это поле?

— Видать, — согласился шпион. — Со спутника получилось восемь целых и шестьдесят три сотых гектара.

— И-и-и-и, дура же он, твой спутник! — Весело захопал себя по тощим ляжкам старик Сомов. — Да их тут все десять! А по отчётам если, так шесть...

— Ясно, спасибо за ценную информацию, — вежливо поблагодарил старика пухлощёкий диверсант. — До свидания.

— Бывай, коли не шутишь, — пробурчал в ответ старик и тронул кнутом лошадёнку.

Изольда легко рванула нетяжёлую повозку.

— Тпр-ру! Стой! — закричал вдруг старик Сомов, вспомнив что-то очень важное. — А вот ещё!

Вскочив на ноги, он чуть не свалился с телеги, схватился за бочку.

— Мил человек, постой! — кричал старик. — Дело есть, постой! А старуху мою со спутника видать?

Но на дороге было пустынно. За время недолгого разговора солнце поднялось уже достаточно высоко, оно высветило каждую травинку, каждый кустик при дороге, каждый росток в бескрайнем поле.

И только человека в иностранной телогрейке и лаптях нигде не было видно.

— Что за чертовщина! — вслух подумал старик Сомов. — Надо было арестовать и сдать его куда следует!.. Или хотя бы доложить. Как ты думаешь, Изольда?

Вместо ответа лошадёнка прибавила ходу.

— С другой стороны, — продолжал рассуждения водовоз, — я и впрямь, однако, в шпиёнах этих не очень-то кумекаю... Так, чуть-чуть... Да только какой же порядочный шпиён, если разобраться, так прямо прилюдно шпиёном себя называть станет?! А поле... Да шут его знает, сколько оно гектаров, — хихикнул вдруг старик в рукав рубахи. — Кто ж его и когда измерял?!

Сообразив это, старик окончательно успокоился и о странной встрече скоро забыл.

— Белиберда какая-то! Полная! — смяв бороду в кулак, задумчиво пробормотал Иван Алексеевич Бубенцов. — Старик Сомов, кобыла Изольда... Зачем вам всё это надо, Валерий Иванович?

— Чтобы интереснее было! Занимательнее! Смешнее, наконец! — запетушился опять волшебник. — Нет, я решительно предлагаю обсудить новый поворот темы!

— Но ведь в жизни ничего такого не было! — веско произнёс Витька Бубенцов. — Никакого шпиона просто не было! А в Австралию вы летали, Валерий Иванович! Вместе с воробьями! Именно из-за этого полёта всё и...

— Ну и что же, подумаешь, чего-то там не было! — покраснев до ушей, пискляво выкрикнул волшебник. — Ну и что с того, что не было! Я устрою, будет! Мне это пара пустяков!

— Не увиливайте, Валерий Иванович, — осуждающе покачал головой моряк Бубенцов. — Взрослый ведь человек, волшебник!.. Стыдно! Что было, то и было!

— Бросил мальчика на произвол судьбы, а сам улетел в Австралию! — гневно отчеканила Клавдия Леонтьевна. — Теперь сваливаете всё на каких-то несуществующих шпионов!

— Я, может, не для себя старался... — заюлил волшебник. — Я, может, ради вас, Клавдия Леонтьевна, супротив правды пошёл...

— Не надо для меня стараться! — отрубила пенсионерка.

— Я для всех хотел, для общего блага, — совсем потерянным голосом продолжал бессмысленный разговор Валерий Иванович. — Художественное произведение всё-таки... Что ж, нельзя сделать получше, чем было, да?

— Хорошо, это когда без прикрас! — просто сказал моряк Бубенцов.

— Валерий Иванович! — наконец пришёл в себя от изумления и автор. — Ведь это... мой почерк!

Я встряхнул в воздухе листами, которые полчаса назад вручил мне волшебник:

— Вы волшебник... или цирковой фокусник?

— Волшебник я, — хмуро буркнул Кириллов.

— Но ведь это же... это же начало новой повести! Она лежит у меня дома, на письменном столе! Видите, даже заголовок — «Вместо пролога»! Каково — в середине истории — и вдруг «Вместо пролога»!

— Как лучше хотел, говорю же... — окончательно сконфузился волшебник. — Я больше не буду...

— Мы непростительно забыли про мальчика! Про того, превращённого! — Суровый голос пенсионерки вернул нас к действительности.

ГЛАВА 13

НОЧЬ ПЕРЕД ДУЭЛЬЮ

Март — месяц не поймёшь какой, то ли ещё зимний, то ли уже весенний. Это только по календарю всё ясно.

Стемнело, и мальчишка как-то неожиданно понял, что ему хочется очень немного и простого: прийти домой, раздеться и обогреться. Болтаясь по улицам, Виктор порядком иззяб, и все волшебства и чудеса казались теперь какими-то посторонними...

Нет, не так. Ну, не самыми важными в жизни, что ли.

Возле мошкинского подъезда Витька Бубенцов уже просто клацал губами от холода, и раздумывать больше было нечего. Поднимаясь по лестнице, ещё раз пробежал глазами мятую записку от волшебника. Слова были теми же самыми, только внизу прибавилась странная фраза: «Продолжение следует». И появилась подпись, больше похожая, впрочем, на кляксу.

«А то я не поверил бы без подписи, — с какой-то почти безразличной иронией подумал Виктор. — Ещё бы печать поставил! Треугольную!..»

Ключ с мартышкой оказался настоящим, от Пашкиной квартиры. Замок щёлкнул, и дверь легко, без скрипа отворилась.

«Продолжение следует». И то хорошо, не безрадостный конец всему. С волшебниками этими, кто их знает... Хоть не на улице ночевать...»

Подумалось так неизвестно отчего, никаких подозрений насчёт ключа до этого у Витьки не было.

Голова мартышки, забавный Пашкин брелок, раскачиваясь на цепочке, коснулась запястья, и мальчишка едва не выронил ключ: безделушка оказалась очень холодной, почти ледяной!

Но вот на это странное обстоятельство Витька почему-то совершенно не обратил внимания, просто зло затолкал ключ обратно в карман!

Так бывает: часто мы придаём очень большое значение пустякам, а на действительно серьёзные и стоящие самого пристального взгляда вещи не обращаем внимания. А ведь голова мартышки никак не могла быть очень холодной, она же лежала в кармане, близко к телу.

Легко автору рассуждать, скажете вы, забрался бы сам в чужую «шкуру»? Превратили тебя невзначай в постороннего человека, выглядел бы ты Виктором Бубенцовым или, к примеру, Мошкиным Павлом, вот тогда бы мы на тебя посмотрели! Да уж...

Квартира оказалась в точности как родная бубенцовская. Даже зеркальный трельяж стоял на том же месте.

Некоторые отличия, конечно же, были. Виктор не обнаружил книжного шкафа в родительской комнате. Мес-

то просто пустовало, а книжные стопки выглядывали из-под кровати.

Впрочем, он недолго разглядывал жилище. Убедился ещё только, что с диваном в комнате у Павла всё в порядке, и раскладывается он легко, и внутренности диванные набиты бельём — чего же ещё требовалось...

Домашние тапки Павла Мошкина оказались не по-хулигански удобными и тёплыми, скоро мальчишка согрелся. Есть по-прежнему не хотелось, но тем не менее Виктор решил обследовать и холодильник.

Всё было на месте: и суп в кастрюльке, и второе в какой-то особенной посудине, названия которой он не знал, но Витькина мама подобной вещью очень гордилась. Был даже большой полукруг домашнего торта.

Виктор отщипнул кусочек, сидя на корточках перед раскрытым холодильником, пожевал.

По вкусу торт очень напоминал пережаренную курицу под майонезом.

Отщипнул ещё... и решил поужинать. В самом деле, это раньше о нём мама и папа заботились, а теперь-то кто, а?

Виктор Бубенцов начал лихорадочно вытаскивать из холодильника всё, что там было, и скоро на маленьком кухонном столике уже просто не было свободного места.

А мальчишка всё выставлял и выставлял кастрюльки, чепарушки, мисочки и тарелки, гремел железом и звонкой, обожжённой глиной.

И как-то сама собой в такт этому бессмысленному громоуханию начала у него мурлыкаться старинная, неизвестного происхождения шутилка песенка:

— Пришёл домой голодный, А суп стоит холодный...
Тра-ля-ля, ля-ля-ля-ля-ля...

Дальше слова не вспоминались, и он повторял это «тра-ля-ля, тра-ля-ля» без конца, и язык не уставал, и — странное дело — ему вдруг стало почти весело...

Ну, если и не совсем весело, то и не так уж неприка-янно, как было вначале!

С каждой ложкой подогретого супа по телу разлива-лись усталость и тяжесть, а мысли опять лихорадочно засуетились.

Хороши шуточки, нечего сказать! Конечно, как следу-ет насолить Пашке Мошкину, главному Витькиному вра-гу, — это было бы неплохо, было бы это просто замеча-тельно!

Но тут простая и ясная логика неожиданно вильнула совсем в сторону.

Ну, хорошо, он вот сидит и размышляет, чего бы тако-го похитрее подстроить Павлу Мошкину...

Павлу Мошкину, который... который не сумеет на ко-варные козни совсем ничем ответить?! И вообще, а где он теперь, настоящий Павел Мошкин?! Что с ним в данный момент происходит?!

От этой мысли Виктор вздрогнул, ему стало страшно. Мальчишка бросился к телефону и набрал номер. Нет, не тот, таинственный 340-74-95, а другой, очень, очень хорошо знакомый...

— Алло?.. — почти сразу на другом конце провода сняли трубку.

Витька застонал, надавив пальцами на рычаг. Он уз-нал этот голос. Теперь можно было не сомневаться: там, у магазина, он увидел... самого себя! И теперь ему от-ветил... Виктор Бубенцов!

Где же тогда Павел Мошкин?! Или, может быть, его... вообще нет?! Просто больше вообще не существует?!

Какое же тогда право имеет он, он, Витька Бубенцов, глумиться над человеком, которого просто... нет на свете?!

В школе учительница по литературе Анна Фёдоровна часто повторяла, что свою собственную жизнь можно прожить как угодно, только будет стыдно потом, если что не так. Это понятно! А вот если тебе доверили... жить за другого человека?!

Ведь никто, кроме Витьки и волшебника, не знает, что Павел Мошкин теперь просто «солдат» из глупой детской игры!

Никто даже не подозревает: теперь только с виду прежний Павел Мошкин, а распоряжается всеми его поступками неведомо отчего Витька Бубенцов!

И только от прихоти этого самого Бубенцова зависит, совершит ли Пашка геройский подвиг и другие благородные поступки или же потянется за ним хвост позора и ужаснейших преступлений.

В комнате заработал телевизор. Виктор даже не заметил, когда включил его. Наверное, ему просто стало неуютно и жутковато в этой опрятной, ухоженной квартире. Мальчишка перешёл на диван, забрался на него с ногами.

С экрана телевизора какой-то бородатый дядька, скорбно потупясь, рассказывал о трагической и прекрасной судьбе великого математика Эвариста Галуа, которого убили на дуэли совсем в юном возрасте.

— Всё, что Галуа успел сделать в жизни, написано за одну ночь, — вздыхал дядька. — В ночь перед дуэлью... Эварист Галуа знал, что будет убит, и торопился записать свои гениальные мысли...

— Я видел сегодня самого себя, — признался вдруг Витька вслух дядьке на экране, этим стенам, этим стуль-

ям и столу. Чтобы все услышали, чтобы не сверлила эта мысль голову одному ему, Витьке...

— Я видел себя настоящего... В толпе!

— Наверное, кто-то другой на месте Эвариста Галуа, даже случись у него в ночь перед дуэлью самая жестокая бессонница, не стал бы выписывать мало кому понятные формулы, — немедленно отозвался дядька с экрана. — Он, наверное, просто потренировался бы в стрельбе из пистолета...

— Он просто потренировался бы в стрельбе из пистолета... — эхом повторил Виктор. — Потренировался бы в стрельбе из пистолета...

И с этими словами он неожиданно заснул. Заснул одетым, в чужой квартире, на чужом диване. Дядька в телевизоре бубнил теперь как бы сам для себя.

— После дуэли на столе Эвариста Галуа обнаружили только несколько листков бумаги с гениальными формулами, — не поднимая глаз, продолжал бородач. — И ещё одну странную, загадочную, таинственную вещь...

Дядька отпил воды из стакана, помолчал, словно решая для себя, говорить или не говорить до конца, всё-таки собрался с духом:

— На первый взгляд — безделушка. В мраморной пепельнице на столе математика обнаружили искусно вырезанную из слоновой кости голову мартышки... Голова мартышки отчего-то оказалась очень горячей, почти раскалённой, до неё невозможно было дотронуться... Безделушка сохраняла тепло до вечера... Куда голова мартышки исчезла потом, не знает никто...

Виктор Бубенцов сладко причмокнул во сне и повернулся на другой бок. Угрюмый бородатый дядька сму-

щённо умолк, а экран, мерцая, потемнел. Телевизор выключился сам собой...

ГЛАВА 14

КТО ЕСТЬ КТО?

К чужому телу привыкаешь быстро. Одной ночи оказалось вполне достаточно, чтобы неловкое ощущение излишней лёгкости движений и невесомости исчезло, всё стало на свои места. И даже аппетит появился!

Наскоро позавтракав, Виктор Бубенцов подхватил школьную сумку Пашки Мошкина, запер квартиру и, старательно делая вид, будто ничего особенного не произошло и не происходит, отправился учиться.

Этот глагол «учиться» в данном случае очень хорош, гораздо лучше, чем просто «пошёл в школу». Потому что научиться новоявленному «Павлу Мошкину» предстояло многому...

Самое первое: его догадка о настоящем Викторе Бубенцове оправдалась полностью!

Тот заявился в школу собственной персоной, как ни в чём не бывало!

Да, это был тот самый человек, который слонялся возле дурацкого магазина с ещё более дурацким названием «Одёжа»! Выходит, он не ошибся тогда, не зря в страхе бежал прочь, не разбирая дороги! И значит, ему не приснился телефонный звонок себе домой!

Выходит... с Виктором Бубенцовым и в самом деле ничего не произошло?! Или, может быть, вот тот вот маленький и пухленький, озирающийся по сторонам головастик, — это и есть теперь тоже превращённый Павел Мошкин, только с виду он — как Виктор Бубенцов?

Да нет, не похоже... Тыфу ты, запутаться можно! Весь первый урок Виктор тем только и занимался, что внимательно изучал круглый затылок... хм, настоящего самого себя...

Тот, кого он в упор разглядывал, беспокойно ёрзал под тяжёлым этим взглядом, шея его свекольно покраснела. Видно, чувствовал, знал, кто на него так смотрит. И... боялся оглянуться.

Виктор Бубенцов с последней парты смотрел на самого себя и переживал. «Да как же можно быть таким забитым и жалким?» — недоумевал он.

И совершенно не замечал при этом превращённый в Павла Мошкина Виктор Бубенцов, что сам находится под внимательным, пристальным, изучающим взглядом.

В ГОСТИ К ДАРВИНУ

«ГРЫЗУЩИЙ МИР», ИЛИ БОЛЬШАЯ ГРЫЗУЩАЯ СЕМЬЯ*

Чтобы лично познакомиться со всеми представителями многочисленного отряда грызунов, надо совершить кругосветное путешествие. Но любое, даже самое долгое и увлекательное, путешествие заканчивается возвращением домой, где нас ждут соскучившиеся родственники и друзья... и вездесущие грызуны! Мыши и крысы издревле живут рядом с людьми и научились с ними сосуществовать. Обычная домовая мышь ведёт себя скромно, шуршит себе по углам и прячется в норку, как только слышит шум. Ничего ужасного, что могло бы испугать взрослого человека, не делает. Размера она небольшого — максимум, причём вместе с длиной хвоста, четырнадцать сантиметров. Шкурка серенькая, мягкая. Ни ядовитых клыков, ни громадных когтей, чего её бояться?

И всё же большинство людей почему-то нервничают, увидев мышь. Правда, ведут себя по-разному. Мужчины смотрят на неё с брезгливостью и норовят сильнее топнуть ногой. Женщины в панике готовы забраться на стул и кричать на всю округу. Откуда такой страх перед маленькой мышкой? Из древних времён, скорее всего.

В традиционных народных верованиях мышь встречается очень часто и роль у неё всегда значительная. В мифологии многих народов с мышью связываются погребальные обряды, смерть, разрушения, войны, голод,

**Окончание. Начало читайте в № 6 за 2016 г.*

болезни, бедность. Мышам испокон веков приписывались все мыслимые и немыслимые грехи. В Средние века считалось, что дьявол очень любит прикидываться мышью и подсматривать за людьми, а сами мыши состоят в тесной связи с ведьмами и колдунами и ничего хорошего от них ждать не приходится.

В волшебных сказках мышь — это всегда загадочный персонаж. Она не выступает в качестве главного героя, зачастую появляется буквально на мгновение и сразу разрешает все проблемы. Например, в сказках «Репка» и «Курочка Ряба». Как это у неё всё так легко получается?

Маленькие мыши приносили людям большие беды, уничтожая урожаи зерна. Поэтому люди всегда пытались с ними бороться. Существует множество преданий, в которых мышь имеет отношение к игре на музыкальных инструментах или к свисту. Считается, что с их помощью можно выманить мышей из жилья; конечно, это должна быть особая мелодия, и исполняет её, конечно же, колдун.

За всю историю борьбы человека с мышами было придумано столько хитроумных мышеловок и ядовитых приманок, такое количество яда им было скормлено — миллионы тонн, что, казалось бы, мыши должны за километр обходить жилище человека. А на мышей это не произвело особого впечатления. В объявленной мышам химической и биологической войне (главное оружие — кошки) побеждают пока маленькие серые грызуны, обладающие выдающейся жизнеспособностью.

В мире, где треть населения недоедает или даже голодает, мыши и их родственники уничтожают, по оценкам специалистов, пятую часть всего производимого продовольствия. Так сколько же может съесть мышь?

Каждая мышка в отдельности ест не так уж и много. Взрослому зверьку достаточно 10 граммов сахара в день, ровно 3,5 кг за год. Не много, но только на первый взгляд. Шесть раз в год мышинная самка приносит от 6 до 10 детёнышей, которые, в свою очередь, способны размножаться уже через два месяца. Только первое поколение вместе с папой и мамой сгрызает в год полцентнера продуктов без учёта корма, пропадающего из-за загрязнения и припрятывания. Поскольку грызуны живут не в самом кухонном шкафу или в кладовой, себе и своей многочисленной семье они облегчают путь к крупе тем, что прокладывают ароматизированные улицы: отмеченная мочой тропа позволяет найти кастрюлю с любимой едой даже неопытной юной мыши. Мыши неутомимые труженики. Работая всю ночь и сменяя друг друга, они в состоянии прогрызть доску толщиной в 2,5 см на пути к хлебным запасам.

Но мышь не только запасает продукты. Мышь — заботливая мать, и для своего потомства она старательно готовит гнездо. И ни один ковёр, плед или штора не останутся целыми, если ей понравился материал, из которого они сделаны. Мыши не могут не грызть по своей природе — им необходимо стачивать непрерывно растущие резцы. Исключая металлические предметы, стекло и фарфор, в человеческом жилище не найдётся ни одного предмета, который не годился бы для точения мышиных зубов. Особую любовь у мышей вызывают книги.

В отряде грызунов мыши составляют отдельное семейство, в котором насчитывается 400 различных видов. В зависимости от местности их называют малоазиатскими, сычуаньскими, кавказскими и так далее.

В России наиболее часто встречаются такие разновидности мышей, как домовая и лесная. Их самые близкие родственники — хомяки, полёвки и крысы.

Обычно вся длина мышей не превышает 10 — 14 сантиметров, из которых половина приходится на хвост. Самый крошечный вид — мышь-малютка, длина которой составляет всего 5 сантиметров. Она по праву считается не только самым мелким грызуном в мире, но одним из самых мелких млекопитающих на Земле. Весит такое «чудо» всего 7 — 10 гр. Этот вид превосходит собратьев не только размерами, но и ловкостью. У мыши-малютки совершенно замечательный хвост, он очень подвижный, способен обвиваться вокруг стеблей и тонких сучьев. В отличие от других мышей малютка чаще активна днём. Мышь-малютка издавна представляла собой загадку для зоологов.

Петер Паллас, немецкий и русский естествоиспытатель и путешественник, открыл её в Сибири ещё в XVIII веке, в точности описал и довольно хорошо нарисовал, но после него почти каждый натуралист, которому она попадалась в руки, выдавал её за новый вид, и каждый считал себя правым.

Только благодаря непрерывным наблюдениям выяснилось, что наша малютка действительно распространена от Сибири через всю Россию, Венгрию, Польшу и Германию до самой Франции, Англии и Италии. Она живёт на всех равнинах, где развито земледелие, но далеко не всегда водится на полях, а преимущественно в болотах, тростниках и камышах.

В своих движениях мышь-малютка отличается от всех других видов этого семейства. Несмотря на её незначи-

тельную величину, она бежит необыкновенно быстро и лазает с величайшим совершенством и ловкостью. Повиснув на тончайших веточках кустов и на стеблях трав, которые настолько тонки, что вместе с ней наклоняются к земле, она по ним бежит кверху. Почти так же скоро бегают она и по деревьям, цепляясь своим маленьким хвостиком. Мало этого, она ещё хорошо умеет плавать и нырять. Так что жить она может повсюду.

Но величайшее совершенство она проявляет в постройке гнезда, в этом она может соперничать с птицами. Её гнездо превосходит красотой гнёзда всех других млекопитающих. Она до того своеобразно выводит свою постройку, как будто переняла это искусство у птиц. Смотря по характеру местности, гнездо бывает устроено на 20 — 30 листьях осоки, верхушки которых расщеплены и так переплетены между собой, что окружают постройку со всех сторон, или оно висит на высоте 0,5 — 1 метра от земли на ветвях куста, на стебле тростника. По форме гнездо похоже на яйцо и имеет диаметр от 6 до 13 см.

Гнездо малютки построено почти всегда из листьев того растения, на котором оно находится, и поэтому имеет такой же цвет. И это не случайно. Каждым из своих произведений искусства мышь-малютка пользуется только во время родов, которые продолжаются лишь короткое время, таким образом детёныши всегда покидают гнездо раньше, чем окружающие его листья успеют завянуть и принять отличную от гнезда окраску. Так что хищники гнезда малютки просто не могут увидеть. Зимой зверьки переселяются в норы.

Мышь-малютка — создание очень симпатичное. Но встречаться с ней близко, а тем более брать в руки лучше

не стоит. Она — природный носитель возбудителей клещевого энцефалита и многих других очень опасных для человека заболеваний.

Мыши живут на всех континентах. Вместе с человеком они расселились по миру и приспособились к разным климатическим поясам. Грызуны отлично себя чувствуют и в тропиках, и в горах, и на болотах. Они способны выжить на ошеломляющей высоте: 4 тысячи метров — не предел для этих маленьких созданий.

Обычно мыши оседают вблизи человеческих поселений. Это касается в первую очередь домовых разновидностей. Ведь в городах и сёлах на каждом шагу можно найти, чем поживиться. Но есть среди мышей и такие, которые предпочитают жить самостоятельно. Это мыши курганчиковые.

Курганчиковая мышь внешне очень похожа на всем знакомую домовую, но отличается от последней неординарными повадками. Если домовая мышь предпочитает человеческое жильё и пробавляется воровством, то курганчиковая живёт в поле, где поедает разнообразные злаковые растения, в том числе сорняки. Своё название грызун получил из-за холмиков, «курганов», которые он строит осенью. Каждый такой курган представляет собой копну сена, сверху замаскированную землёй; он пронизан целой системой нор и туннелей, которые уходят под землю. Размер сооружения может быть весьма велик: до метра в высоту и трёх метров в ширину. Подземные туннели углубляются примерно на метр.

Само собой напрашивается предположение, что «курган» служит складом пищи, с которым грызуны могут пережить зиму. Вместе с тем подобная точка зрения оспаривалась по следующим соображениям. Во-первых,

в фекалиях мышей порой нет следов запасённых злаков; во-вторых, такой стог — вещь довольно заметная, и не спокойней ли расположить все свои запасы под землёй? Некоторые зоологи предположили, что «шапка» из земли и травы служит в качестве «отопления», согревая животных зимой. Растительные элементы «кургана» зимой начинают медленно разлагаться и выделять тепло.

Исследователи из Венского Ветеринарного университета решили подробнее изучить поведение мышей, связанное с сооружением курганов, и пришли к выводу, что функция у удивительного дома всё-таки пищевая. Кроме того, учёным удалось обнаружить некоторые особенности в социальной жизни грызунов, связанные опять-таки с сенозаготовительными работами.

Под одним таким холмом могут находиться до 20 мышей, но, по словам учёных, все они будут потомками в среднем двух пар грызунов. Живя в гнезде, мыши не спариваются друг с другом во избежание близкородственного скрещивания; пару себе они ищут по весне, отойдя на порядочное расстояние от кургана-зимовья. Инициатива в создании запасов еды принадлежит самке и самцу, которые образуют стабильную пару и стараются обеспечить своё потомство едой на зиму. Учёные оценили пищевую ценность злаков, используемых в постройке «кургана», и пришли к выводу, что грызуны выбирают наиболее оптимальные с точки зрения питательности растительные продукты. При постройке съедобного убежища мыши избегают преодолевать большие расстояния, возводя зимний коттедж там, где нашли достаточно калорийного растительного стройсырья. Всё это говорит именно о пищевом предназначении убежища.

Как пишут другие зоологи, им не удалось обнаружить

в мышиных стогах медленной ферментации растительного материала, которая обогревала бы такой дом. Более того, надземное расположение запасов пищи защищает их от чрезмерной осенней сырости и гниения. А внушительные размеры дома позволяют проложить в нём больше туннелей и лучше организовать жилое пространство.

Короче говоря, курганчиковая мышь-архитектор по совокупности навыков и дел вызывает гораздо больше симпатии, чем её домовая родственница-дармоедка.

Среди мышей встречаются не только архитекторы, но и, не поверите, певцы! В Центральной Америке живут два вида поющих грызунов: бурая мышь Алстона и бурая мышь Чирики. Первый из названных грызунов обитает во влажных лесах Коста-Рики, Панамы, Мексики, Гватемалы и ряда других стран Центральной Америки, тогда как второй встречается только в Коста-Рике и Панаме.

Те или иные звуки издают все грызуны, но они больше похожи на скрежет или писк. Тогда как мышь Алстона, как и мышь Чирики, поёт в буквальном смысле слова, используя несколько нот, меняя их высоту и продолжительность.

Как выяснилось, мелодичные звуки издают и самцы, и самки, сигнализируя тем самым о своей готовности к брачному периоду и привлекая пением представителя противоположного пола.

И хотя мышь Чирики предпочитает более прохладные температуры и высокие места, тогда как их бурые собратья легко переносят любую погоду — время от времени эти грызуны оказываются в одно время и в одном месте. В этом случае пение представителя другого вида отпугивает соседа, и он, не вступая в конфликт, покидает чужую территорию.

За миллионы лет эволюции животные создали множество способов самозащиты. Так, кобры раздувают свои капюшоны, предупреждая тем самым врага о своём присутствии, а скунсы выпускают зловонные брызги. У бурых центральноамериканских мышей не так много естественных врагов: благодаря своей окраске они отлично маскируются в лесу, а их пение звучит в ультразвуковом диапазоне, который не воспринимает ухо хищников. Поэтому их песни — это и часть репродуктивного цикла, и мирная защита от конкурентов.

Какими бы обаятельными и забавными ни были самые разные виды мышей, вреда человеку (вместе со своими родственниками крысами) они приносят как никакой другой представитель фауны.

Так для чего нужны мыши? Они являются пищей других животных. И хотя прямой пользы от мышей человеку нет, сказать, что мышь на земле бесполезна, нельзя. Да, они уничтожают урожай, да, портят вещи, да, разносят заразу, но это взгляд со стороны человека, а что, если посмотреть со стороны других существ? Как написано в рассказе Льва Толстого «Зачем нужны мыши», если бы кто-то захотел всех мышей истребить, то куча животных пришли бы просить за них. Например, лисицы пришли бы жаловаться, что теперь им нечего есть и придётся воровать кур и цыплят, куропатки и тетерева стали бы жаловаться, что лисицы разоряют их гнёзда, ведь они перестали есть мышей.

Мыши также используются для опытов и экспериментов в лабораторных условиях. На них испытывают вакцины и лекарства, которые в будущем приносят человечеству огромную пользу. Так что какая-никакая, а польза от мышей всё же существует.

УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ

Лариса Шевцова

УРОК 8

Дорогие друзья!

Сегодня мы займёмся изготовлением различных дополнений к букетам полевых цветов.

Сделаем для начала колоски и травку тимopheевку.
Колосок.

Для колоска нам понадобится бисер золотистого цвета и золотистая проволока. Если у вас нет золотистой проволоки, можно заменить её обычной медной.

Чтобы сплести одно зёрнышко, возьмём отрезок проволоки длиной 25 сантиметров и наберём на него 12 бисерин и замкнём их в круглую петлю, то есть правым концом проволоки пройдем через первую бисерину навстречу так, чтобы концы проволоки вышли с разных сторон. С одной стороны оставляем конец проволоки длиной 4 сантиметра, а с другой — оставшейся длины. Теперь на короткий конец набираем ещё 6 бисерин, поднимаем его к промежутку между пятой и шестой бисеринами нашей петли, закладываем его в этот промежуток и аккуратно обкручиваем им проволоку петли, затягиваем — должен послышаться характерный щелчок. Расправляем короткий отрезок проволоки — зёрнышко готово.

Для одного колоска понадобится 20 — 24 таких зёрнышка.

Теперь приступим к сборке.

Если внимательно посмотреть на наше зёрнышко, то можно увидеть, что оно похоже на ладошку, сложенную ковшиком. Возьмём два зёрнышка, сложим их «ладошками» друг к другу и туго скрутим концы проволоки на пару оборотов. Разводим концы проволоки, прикладываем к ним чуть ниже таким же образом ещё два зёрнышка, снова подкручиваем уже по два конца проволоки с каждой стороны на пару оборотов, добавляем третью пару зёрнышек, и так до конца. С каждой парой зёрнышек концов проволоки будет становиться всё больше и больше — так и должно быть, иначе наш колосок не будет стоять. Если короткие концы проволоки получились разной длины, их можно подровнять.

Работа эта достаточно кропотливая, но результат того стоит, тем более что сейчас у вас каникулы, а значит и времени достаточно.

Теперь сделаем травку тимофеевку.

Плетётся она из жёлтого и зелёного бисера, можно плести и только из зелёного на зелёной проволоке. Именно здесь цвет проволоки принципиально важен, так как эта травка не требует обмотки флористической лентой либо нитками мулине.

Возьмём два отрезка зелёной проволоки длиной по 35 сантиметров, нанижем одну зелёную бисерину сразу на оба отрезка так, чтобы она оказалась на середине этих отрезков. Согнём концы обеих проволок так, чтобы бисерина была внизу, а все четыре конца проволоки были подняты вверх. Нанижем на каждый из четырёх концов по 30 — 35 бисерин. Аккуратно подкрутим концы прово-

лок, выровняем нанизанный бисер и подкрутим проволоку с нанизанным бисером по спирали. Бисер уляжется красивыми завитками. Продолжаем скручивать концы проволоки без бисера, формируя стебель травки, ещё сантиметра на 1,5 — 2, постепенно подплетаем два зелёных листика, которые плетутся так же, как и для василька. После того, как будет приплетён второй зелёный листик, скрутим концы проволоки ещё сантиметра на 4 — 5, в зависимости от высоты букета, в который мы её добавим. Травка должна быть выше уровня букета на всю свою жёлтую часть. Можно сплести тимopheевку и полностью из зелёного бисера.

Колоски хорошо смотрятся вместе с васильками и маками, а тимopheевку можно добавлять в любые букеты полевых цветов.

Дорогие друзья, в этом учебном году мы научились плести полевые цветы различными способами в различных техниках. Мне бы очень хотелось, чтобы на каникулах вы сплели по хорошему букету цветов, попросили родителей сфотографировать эту красоту и отправили фотографии в редакцию журнала «ШВ» (адрес редакции есть в каждом номере), а я бы с удовольствием посмотрела на наши с вами результаты.

По-прежнему жду от вас писем с вопросами и пожеланиями.

Ваша Лариса Андреевна